

Глава 15

Поход через Москву. 29–31.08.2003 г.

От автора

Я раньше не думал, что об одних сутках можно написать столько страниц. Всё-таки 31! К тому же всё это было написано не на следующий день после похода. Основное было написано только к середине октября, а об окончании похода я писал 2 декабря, когда всё-таки простудился и с температурой сидел дома. Вы посудите сами, насколько память избирательна: порой не помнишь, что было вчера, а тут полтора месяца всё живёт как будто это было сейчас. А это если всё, что помнишь, писать, то жизнь кажется бесконечной. Скорее всего, так оно и есть, только мы пока не умеем этим пользоваться.

Я пишу это с таким светлым чувством, несмотря на некоторые личные осмысления и переживания, касающиеся нашей жизни вообще, а не всяких эпизодов, происходивших в течение этих 25 часов похода через Москву и ещё 8 часов довольно драматичной и познавательной дороги обратно.

Что касается структуры и построения этого произведения, то я бы охарактеризовал его как «Дневник не для всех». Если Вы найдёте тут что-то обидное или неуважительное, то не воспринимайте это как личное оскорбление, а просто поднимитесь над этим и посмотрите на это с другой стороны. Не надо придавать словам конкретного значения, подумайте, может быть это можно исправить, а не обижаться на это. Я не хочу никого обижать, но наболело. Лучше выразу наш общий совет всем: «Спешите жить светлó!»

Кто ходил

В этом году собралась очень интересная группа:

- Василий Иванов;
- Андрей Великородный (Андрюша);
- Денис Rain;
- Тима (Сергей Тимофеев);
- Мишка Николаев;
- Шура (Александр Пименов);
- Ленка Милёшкина;
- её сын Рома;
- ну и я, Евсеев Андрей.

Основное, что вспомнилось

Этот поход был знаменит многими вещами.

Начнём с того, что он был проведён в абсолютном времени, а не в относительном. Напомним, что великая Традиция требует от этого похода однодневности, то есть, чтобы он занимал не более одного дня. Так вот в этот раз на традицию в некотором смысле положили. И я объясню почему.

Почтовая рассылка началась в понедельник, 18 августа 2003 года с туманного письма Андрея о планах и ответа на это письмо Василия, типа «планы есть потому что не может быть, чтобы планов не было». Потом рассылка замерла и всё дошло до того, что не успев начаться, она завершилась небольшим письмом Василия о том, что рассылка вообще отменяется вследствие её полной бесполезности. Вместо неё он выдал всем ссылку на какой-то ресурс в интернете, который должен был содержать полную информацию обо всём, что необходимо участникам похода.

Заглянув в интернет, я почерпнул массу полезного знания:

1. Этот поход не первый (я это и так знал).
2. Вслед за ним будут другие походы (догадывался и так).
3. Но этот поход не простой, ибо он юбилейный, то есть, одиннадцатый.
4. Главная цель этого похода банальна: никто никого не призывает достигать результата любой ценой путём проявления недюженного спортивного таланта и мастерства, а все идут только ради своего удовольствия (я раньше подозревал, что все походы имеют точно такую же цель, поэтому особого значения этой фразе не придал, потому что знаю, чем эти лозунги всегда кончаются).
5. Ещё там было сказано про маршрут и тут я удивился: надо было пройти от самой северной административной точки Москвы до самой южной. За меня на карту глядели другие и в меня поступило знание, что самая северная точка лежит где-то на обочине Ленинградского шоссе, там, где кончается Зеленоград, а самая южная — тоже по странному стечению обстоятельств на обочине, но уже Симферопольского шоссе примерно в Щербинке. Масштаб бедствия, то есть длина пути вяло оценивалась легковесной фразой: «не более 100 км.» и констатировалось, что это всё в принципе проходится за сутки.
6. Поход начинался не утром, а наоборот вечером, а точнее в 21:30 на станции метро «Речной вокзал».
7. Ресурс имел также и рекламную сторону: дескать, ходите через Москву с нами и воздастся Вам (эта сторона является показателем мировой тенденции и поэтому на неё я особого внимания не обратил).

Изучив всё это, я стал усиленно чесать репу и вдумываться в то, что мне удалось осознать. Первое, что захотелось сделать, это отказаться ото всего этого маразма. Но вторым, что пришло на ум, было желание поучаствовать. Учитывая тот факт, что с Тимой мы в воскресенье вроде бы должны были делать некое хозяйственное дело, связанное с машиной, ещё появилась третья мысль: поучаствовать частично. Внимательно проанализировав все возможности, стало ясно, что больше никаких других возможностей у меня нет и надо выбрать одну из них. Вообще-то были ещё подмножества третьего варианта (идти с ночи до утра или с утра до ночи или сначала идти, потом не идти, потом снова

идти и т.п.), но если вдуматься, это всё равно третий вариант. Я причислил себя к достаточно здравомыслящим людям и выбрал третий вариант. Но я же не могу быть совсем здравомыслящим. Поэтому я решился идти не утром, а вечером.

Я отправил письма тем участникам, о которых знал, что они всё равно пойдут вечером: Васе и Андрею. Ещё попросил меня подождать, если я буду опаздывать.

Вечер пятницы прошёл успешно: мне удалось уйти с работы. Правда, были небольшие нюансы, связанные с тем, что нужно было обязательно отправить отчёт, а ничего не работало, но всё-таки в последнюю секунду рабочего дня удалось что-то собрать и попросить кого-то сделать это за меня. Ещё было успешное добирание домой с целью отужинать. Другой цели у меня не было потому что ещё вчера я собрал рюкзак и возил его с утра на работу, понимая, что если не буду успевать, то просто оставлю городскую одежду в машине и поеду просто с работы в поход. Как только я выехал с работы пошли заторы и пробки и в них я провёл на 40 минут больше, чем ожидал, потому что Господь располагает.

В итоге я в мыле прибежал домой за 2 минуты до того радостного момента, когда сытый и довольный и главное, неторопливый, я должен был убыть в поход с бутылкой пива ради пушного удовольствия. Но про бутылку пива мне пришлось забыть ещё в пробках и притом очень надолго (пива мне совсем не хотелось ещё 4 дня), а еду мне пришлось поглощать или заглатывать с острым чувством вины, что я опять опаздываю.

Потом снова был традиционный бег до метро с рюкзаком (как мне всё это надоело!) и тяжёлое (почему-то 8-минутное) ожидание поезда на Каховской. А ещё потом я услышал грустное и печатное «поезд следует до станции Сокол». Всё это привело к тому, что я опоздал на 6 минут.

На станции сидел Денис, который помахал мне рукой, когда я вышел из вагона. Мы с ним немного поговорили и он рассказал, что он ездил на Цимлянское море в составе экспедиции по изучению тумана и мути, которая летает в воздухе. Потом пришёл Андрей и мы стали смеяться и радоваться встрече. Минут на 30 опоздал Вася и всё сетовал на круговорот GPS-приёмников в природе и на то, что люди не выполняют своих обещаний и из-за этого другие люди страдают и тоже не выполняют своих обещаний, заставляя третьих людей тоже страдать и не выполнять и так далее. Потом эта цепочка была волевым усилием прекращена и мы стали смотреть в карту и вскоре пошли на улицу на остановку автобуса номер 400, который идёт в Зеленоград. Быстро в него сели и быстро поехали. Из-за того, что «в автобусах 300-х и 400-х маршрутов проездной не действует» мы заплатили по 10 рублей и поехали, смотря в карту. Оказывается, до этого я никогда не ездил в автобусах упомянутых маршрутов.

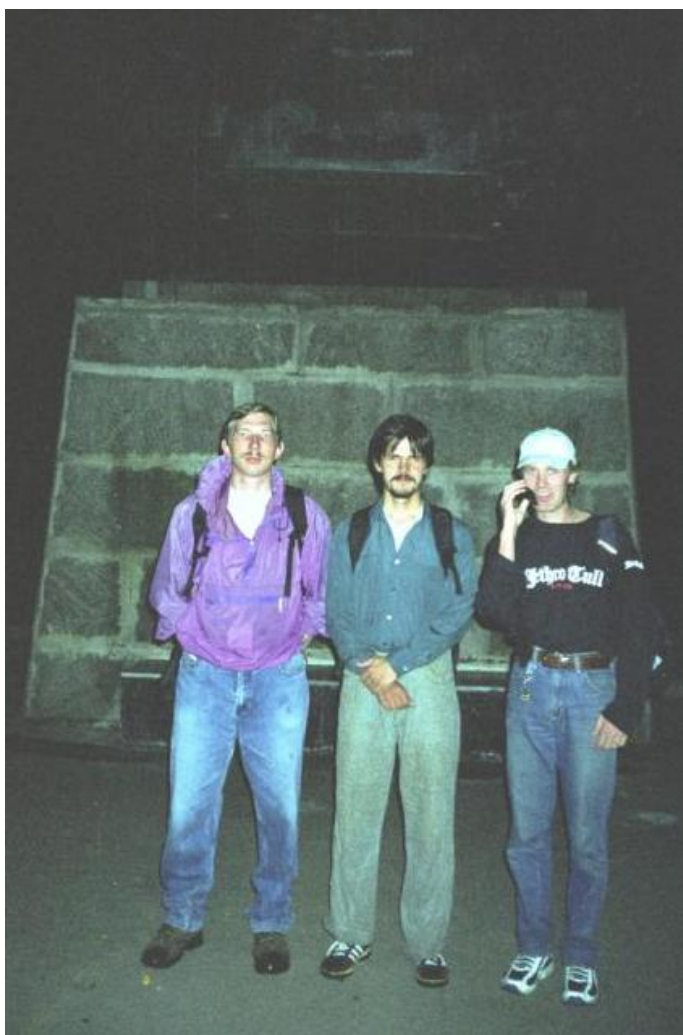
На улице уже темно и отступление лета уже чувствуется. Хотя не так прохладно, но уже не жарко. Может быть, ночью будет холодно, а может быть и нет — посмотрим. В автобусе у нас происходят события. Василий громко сказал нам: «Наконец свершилось! Впервые за время проведения таких мероприятий к нам может присоединиться неизвестный человек! Пришло письмо от Кириллы, которого я не знаю с вопросом о том, когда и где к нам можно присоединиться утром. Я дал ему номер твоего телефона, чтобы он звонил.» Минут через пять у меня зазвонил телефон. Люди в автобусе насторожились. Это оказался Мишка. Совершенно недрогнувшим голосом он сказал, что они утром встречаются с Тимой и от метро в половине шестого будут мне звонить. Я как попугай повторил эту фразу сначала себе, а потом всей нашей группе два раза потому что никто не мог понять, что я говорю: Мишка и полшестого утра от метро — это было несовместимо по своей сути, что-то тут было не то. Но все уяснили этот неясный факт. Ещё все уяснили, что днём нам будет звонить Ленка и тоже где-то нас будет ловить. Так что не только нам, но и части людей, едущих вместе с нами в автобусе, стало ясно, что к нам будут стремиться другие люди.

Когда мы подъехали к Зеленограду, я увидел через окно, что тут идут пьяные гуляния.

Вот по улице несут человека, а вон много выпивших радующихся компаний. Понял, что подвыпившая икающая всю дорогу женщина, рядом с которой я сидел, не исключение из общего пятничного правила.

Вскоре мы стали спрашивать, где нам лучше выйти. Люди нам помогали и какая-то девушка, немного удивившись, что мы смотрим в карты: каждый в свою, с улыбкой рассказала, куда пойдёт этот автобус дальше и порекомендовала лучше выйти. И мы вышли. Пока мы понимали где мы, пришёл автобус, на который мы не сели и оказалось, что зря. Но поняв где мы, мы решили просто дойти до нужного нам места потому что до него было около 2 км. И мы пошли. Пока шли, обсуждали, что сейчас великое Марсо-стояние, что Марс стоит очень близко от Земли. Пока его не видно, но будет видно ночью. Смеялись над астрологами, которые по радио, в интернете и по телеку всё время объясняют всё этим Марсо-стоянием и всё у них сходится как у портных. Ещё мы обсуждали одежду. Каждый, кроме Дениса, усиленно готовился к походу и мы экипированы. Только Вася сокрушается, что он, обладая мембранными штанами, не догадался их взять, а я, не обладая ими, догадался и взял другие.

У нас уже началось ориентирование и мы решили не плутать по неизвестным промышленным кварталам во избежание собак, а дойти уж по понятному пути: сначала до Ленинградки, потом по Ленинградке. Нас поддержало в этом наличие леса и мокрая от росы трава. Вскоре поняли, что на небе звёзды потому что давно уже стемнело.

Мы прошли мимо одного представительства американских дешёвых закусочных, которое выделяется своей яркостью среди непролазной темени многочисленных автосервисов под вывесками типа «Mercedes, BMW, Volvo — все виды работ». Вскоре мы подошли к танку Т-34, стоящему на высоком постаменте и поробовали сфотографироваться до начала похода. Довольно темно и не факт, что снимок вообще получится. Но что-то получилось.

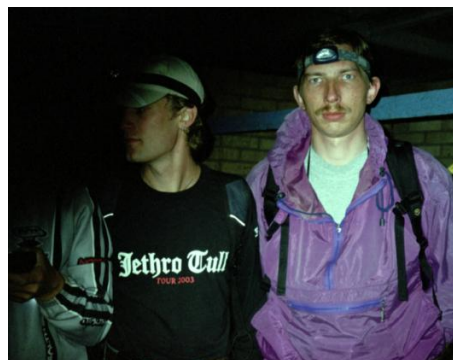
Заключительный рывок к месту начала похода был по обочине Ленинградского шоссе, по которому несутся на дикой скорости в Москву люди с дальним светом фар, а из Москвы несутся другие такие же люди куда-то на север. Шли мы вдоль этого примерно 15 минут, когда увидели остановку и неподалёку указатель на Чашниково. Нам стало понятно, что мы пришли к началу. На остановке мы немного покопошились и Василий провозгласил начало походу. Мы

радостно съели первую шоколадку «Люкс». Потом сфотографировались и в 23:29 тронулись в путь.

Пройдя метров 200, Андрей чуть не упал с насыпи дороги. Мы сразу поняли, что это

был добрый знак Марса, который стал нам светить с неба, с юга. От танка мы пошли другим путём потому что нельзя ходить одним путём два раза, как нас учил Архимед. Заметили, что тут люди толкают машины: во второй раз мы их увидели, не считая буксиров, которые здесь тоже часты.

У нас идёт исследование вопроса о составе группы. Нам вообще неясно, почему нас так мало. В результате тяжёлого анализа мы поняли, что Шура не проявил ровным счётом никакого внимания к информационным рекламно-зазывательными сообщениям насчёт похода. Поэтому было принято понятное решение звонить. Я стал звонить на мобилу. Гудка после одиннадцатого в трубе вдруг возник голос Шуры и я наговорил туда о том, что не пора спать, а пора вставать и присоединяться к нам потому что мы уже вышли. Шура проговорил, что он обязательно сделает это утром, отдав нам пару напутствий и приветствий.

Вроде бы все необходимые дозвоны были сделаны и мы стали понимать, что нам неплохо бы было поесть и купить для этого какой-нибудь еды до выхода из города. Вскоре мы дошли до того места, где вышли из автобуса. Первое кольцо завершено, это добрый знак. Мимо нас люди толкали машину, мы их пропустили. Обсудили, что конкретно из продуктов нам может понадобится. Решили зайти в магазин где-нибудь поближе к концу города.

Мы идём по тротуару. Понимаю, что здесь всё как-то не так: мы идём как обычно по Москве ходим: пара, за ней ещё одна, итого четверо. Но нам навстречу идут люди. Они идут свободно по тротуару, но не друг за другом, а шеренгой по 4, по 5 человек. При этом не только мы с ними спокойно расходимся, но и две таких шеренги спокойно расходятся тут. Надо сказать, что и автобусные остановки тут рассчитаны не на пару человек, как в Москве, а на толпу из битком набитого Икаруса. Потом мы увидели людей на велосипедах, которые в ночи не водку пьют, а занимаются прыганьем в велосипеде на стены и с приступочек всяких. Василий ценит их велосипеды с видом знатока, говоря, что в конце концов везде будет видеть нормальные велосипеды. По другой стороне проспекта люди толкают машину.

Вскоре нам надо было повернуть на очередную улицу и мы увидели дом на ножках. Такие дома строят в сейсмически ненадёжных районах. Тут тоже есть такой дом. Напротив него выстроен громадный дом, уходящий куда-то в высоту. Мы идём мимо дома на ножках. Идём 5 минут, потом 10, потом подходим к огромному магазину под ярким названием «Рамстор». Решили зайти в него за едой.

Внутри стоит охранник. Мы заходим вчетвером в магазин, возникает совещание: что покупать. Мы говорим: «Хлебца, сырку, может колбаски и попить» — охранник спокойно смотрит. Ребята снимают рюкзаки и ставят их к стенке — он снова спокойно смотрит. Они уходят, а я достаю из запазухи карту и начинаю в неё смотреть. Потом вторую, сравниваю, потом мне стало интересно, что будет с нами после того, как мы выйдем из Зеленограда, я достаю из Васькиного рюкзака третью карту, потом четвертую. И тут охранник не выдержал: он подошёл к столу, возле которого я стоял и убрал с него мусор, который мог мне помешать изучать карты, после чего отошёл снова спокойно стоять и смотреть. Потом пришли ребята, мы вбили всю еду в свои рюкзаки и пошли дальше.

Мы обогнули этот довольно большой магазин и когда минут через пять вышли на следующую улицу, поняли, что отсюда видно то место, где кончается дом на ножках. Согласитесь, это внушает уважение к капитальному строительству. Потом мы постепенно начали выходить из Зеленограда и вскоре прошли мимо наглухо забитого поста ДПС на

въезде в город. По пути мы говорили о финансах: Денис нам рассказывал, какие бывают пластиковые карты и зачем их можно использовать. Ещё мы по пути видели огромные КВ и УКВ антенны, которые стояли за забором. На воротах, ведущих внутрь, было написано: «Кафе-бар Марина. Часы работы: 11:00–23:30». Подумалось, что хорошие тут кафе, большие!

Мы вышли из Зеленограда и свернули направо, на дорогу в Сходню, которая на карте называлась Сходнинским шоссе. С юга ярко светит Марс, порой нам навстречу несётся машина, помаргивая нам фарами и подозревая, что мы пьяные потому что уже поздно. Мы идём по тёмному извиляющемуся шоссе и вяло переговариваемся, в основном о том, что происходило с нами летом. Я шёл рядом с Денисом и он рассказывал мне о том, что они делали на Цимлянском море, как они ставили там вышки для пылеулавливания. Потом разговор перешёл на его работу и мы не заметили, как пришли к тому месту, где надо было включать механизмы сворачивания с этого шоссе. Мы стали ориентироваться. Этот факт сразу осознала собачка за капитальным забором. Она стала хотеть нам помочь и стремилась к нам. Но мы спокойно ушли, не познакомившись с ней.

Мы давно идём с фонарями. Тут на грязной улице посёлка, видны различия в свете фонарей. Ярче всего светит Васькина велосипедная фара с 5 светодиодами. А фонари типа Тікка светят довольно тускло. Андрей бодро говорит, что это потому что он не менял батареек уже давно. Это не может не радовать потому что я чуть не упал, а он наступил в лужу. Но мы на это не обращаем никакого внимания, нас заботит другое: мы вышли из Москвы! Скорее всего, это будет с нами происходить ещё не раз, но каждая такая веха нам радостна. Мы упираемся в дорогу: надо ориентироваться. Пока вынимали карты, чтобы в них посмотреть, нам захотели помочь теперь уже две больших собаки. Но здесь уже заборы не такие капитальные, как были 500 метров назад. Мы в полной уверенности, что из-за этих убогих палочек они не выскочат, смотрим спокойно в карты, наши уши немного устают от залиvistого лая, но нас это не смущает, нам надо понять, куда отсюда уйти. Вскоре мы пошли и они умолкли.

Вокруг нас тёмные дачные посёлки. Порой поражают размеры возникающих тут домов: это 3-этажные ангары со множеством окон, неказистые, из кирпича и совершенно чёрные в ночи: никакого намёка на жизнь. Интересно, сможет ли когда-нибудь из таких монстров доноситься радостный детский смех или утончённая музыка, будет ли пахнуть из-за этих металлических заборов пирогами с яблоками из собственного сада?

Мы топаем вдоль кирпичных заборов и думаем о еде: надо же ведь когда-то остановиться и отдохнуть, кушать, пить наконец! Денис, например, не ел с 14 часов, а сейчас уже половина третьего... Но заборы, деревья, дорога, порой ослепляющий свет фар машин и иногда их недовольные звуковые сигналы всё не кончаются. Мы идём и Вася нам рассказывает, что с этой велосипедной фарой отлично передвигаться на небольшой скорости. Он говорит: «А вот если скорость 40 километров в час или выше, то уже ни черта не видно!» Мы понимаем, что когда мы пойдём с такой скоростью нам будет трудно. Скорее всего мелкие наши фонари типа Тікка вообще надо будет убрать в рюкзаки...

Мы должны прийти через 2 км. на станцию Сходня. Идём то по дороге, то по тротуару вдоль забора. Нам повстречалась кошка. Она шла своей дорогой, как вдруг увидела нас. Думая, что обгонит нас, она устремилась по дороге, но мы идём быстро и она не успела. Пришлось ей остановиться и пропустить нас. Вася посветил на неё фарой. Поскольку поведение кошки совершенно не изменилось, он вдумчиво сказал: «Интересно, а видит ли она вообще этот свет?» На это Андрюша сказал: «Наверное, видит. Смотри, какие у неё глаза!» И вообще, эта кошка была похожа на зайца: она была с большими ушами. Поистине, велики те чудеса, которые нас окружают.

Потом мы пришли к станции Сходня. На подходах мимо нас проехала милицейская машина и не остановилась. Я уже думал, что мы будем отвечать, когда она остановится и

нас спросят, откуда мы, куда мы, зачем мы и тому подобное. Но она не остановилась. Мы поднялись на железнодорожный мост и под лампой посмотрели в карту. Поняли, куда надо идти и пошли по этому кратчайшему пути к ужину. Кстати, на мосту мы видели другую кошку. Она настолько слилась с окружающей средой, что пока Вася не ткнул в неё пальцем, мы её никак не могли увидеть.

Мы спустились с моста и пошли вдоль путей. Там были собаки, которые нас обошли, но потом дорога повернула направо и когда мы проходили мимо автостоянки, изнутри на металлическую сетку стали бросаться иные собаки: овчарка и ещё одна такая же. К их чести надо сказать, что как только мы отошли от забора они сразу же прекратили лаять и бросаться.

Мы прошли по тёмным улицам. Тут есть многоэтажные дома. Большинство окон тёмные, но в некоторых горит свет: там идут квасцы, либо люди там занимаются чем-то другим. Мимо нас пару раз проехал красный «Пассат» и мы сделали вывод, что либо он не знает, куда ехать, либо он на что-то надеется, имея нас в виду, раз ездит туда и сюда и даже останавливается. Тем временем, улица упёрлась в другую и у нас возникло ориентирование. По карте можно было пройти прямо, но реалии нам говорили, что всё меняется: теперь там был забор и частные дома. Мы решили не искать путей и пойти другими, благо, что те были. Промаршировав некоторое время по улице, мы увидели очень неплохую стелу о городе Сходня, тень от которой лежала так мощно, что у нас возникло желание сфотографироваться возле этого памятника. Но желание это мы не воплотили в жизнь и пошли дальше, заметив, что по улице проехала машина, в которой один человек явно обучал другого вождению. Да и машина эта была учебной по всему своему виду: знак, телефон автошколы. Поразительно, что рановато они как-то обучаются: половина третьего ночи всё-таки...

Итак, мы вышли и из города Сходня. Идём по шоссе по направлению к Москве. Справа на обочине растёт высокая трава. Мне стало интересно, а нельзя ли идти там вдоль дороги. Я перешёл дорогу и заглянул за траву: там были какие-то земельные наделы, но почти в том месте, где я перешёл дорогу, были перила и отходила пешеходная стёжка в мировую грязь. Нам туда было не надо, но способность найти тропу всё-же есть у меня, я даже не предполагал, что такая! Вскоре мы сели ужинать. Мы сделали это рядом с автобусной остановкой, имея на всякий случай отмазку, что мы чего-то ждём. Сели мы на бетонное основание рекламного щита. Как оказалось, место это было очень оживлённое: за те 40 минут, что мы питались, тут наблюдалось дикое движение автотранспорта. Какие-то погрузчики, микро- и макроавтобусы, грузовики и машинки ехали на автобазу, которая тут рядом и мы удивлялись этой экономической мощи встающей на ноги российской экономики.

Ещё мы наблюдали процессы, которые происходят на небе. Андрюша говорил загробным голосом, что движется дерьмо, чтобы всех нас поглотить. Он предчувствует то, что оно будет. На небе действительно есть облака и они двигаются. Вот фронт мелких барашков, но за то время, что мы ели, он ушёл и вновь показался Марс, затмевающий все остальные звёзды. Но видно, что на небе что-то происходит. Не хотелось бы дождя.

Тем временем мы едим еду. Денис нас кормит бутербродами, Вася извлёк какую-то косу из рюкзака и сказал, что это сыр и его надо есть. Мы попробовали немного себе оторвать, но это не рвалось и был применён Leatherman, чтобы отделить немного от косы. В итоге только используя высококачественную сталь американских и швейцарских ножей, а также простые советские зубы, нам удалось отведать этого чудодейственного продукта, который по словам Васьки ещё и не портится. Ещё мы поели немного кураги, привезённой нами с Тянь-Шаня и попили соку и минеральной воды. На улице ни хрена не жарко: чувствуется холодное дыхание грядущей осени. Нам холодно, мы одеваемся. Вообще мы идём уже довольно давно, но скорость наша невысока, мы ещё далеко от Москвы. Я подумал, что

неплохо было бы поберечь колени. Несмотря на холод, я снимаю штаны и начинаю мотать на колени эластичные бинты. Получается хорошо и красиво. Как всегда в такие моменты по дороге начинают ездить автомобили в больших количествах, но это нас не смущает. Мы доели, допили и решили уже пойти навстречу друзьям.

Перешли реку Сходня во второй раз и был обмен мнениями, что если бы мы взяли лодку, то в принципе могли бы уже пару часов плыть, а не идти. Ещё мы обсуждали, что только у Дениса есть светоотражающие части на снаряжении. Андрюша сказал: «А вот когда мы пойдём в зимний поход через Москву, то надо будет озаботиться этим потому что основное время мы будем идти в темноте.» Я подумал, что в зимний такой поход я не пойду точно потому что задрало возиться в грязи и неохота, чтобы нас всё время обливали грязной коричневой жижей из-под колёс грузовиков, а также телег и тачек крутых пацанов.

Мы спросили у Васьки, почему с нами нет Вики. На это он скромно сказал, что она сказала, что ей не очень нравятся походы через Москву. Потом пояснил, в чём дело и каждый из нас в душе воздал хвалу тому «удовольствию», ради которого мы все сюда пошли. Я припомнил пункт про отсутствие спортивных целей, который я вычитал из интернетовского ресурса про походы через Москву и у меня в голове возникла каша из всяких противоречий. Я решил думать о более простом: о еде.

Мы идём по обочине шоссе и Вася нам рассказывает о том, как они ходили летом на Анабар, что там у них было пересечение градусов по долготе, что было очень частое пересечение минут и что группа у них была очень интересной. Он рассказал отдельно про всех участников их похода и за этим мы дошли до Москвы и вошли в неё.

Мы вошли в Куркино и тут же увидели жёлто-синий символ издевательства бизнеса над вкусом: мы увидели магазин ИКЕА. Как хорошо, что он сейчас не работает, а то бы тут было невпроворот машин и автобусов, набитых похожими друг на друга восторженными мамашами и молодыми женщинами, что-то оттуда несущими в больших одинаковых пакетах. Я вот думаю, какой кайф оттого, что у всех всё одинаковое и стандартное, из одного и того же класса эквивалентности? Это же скучно!

Куркино оказалось очень размашистым районом. Мы по нему шли и шли, проходя одни скопища многоэтажных домов и доходя до других. По-прежнему все люди в основном спят, но всё же есть и квасцы, которые, судя по раннему часу уже должны подходить к своему концу. Мы идём и по дворам. В одном из них громко орут большие дети с Кавказа, видимо, одного кто-то обидел и он напился и теперь грустно орёт как истинный воин. Постепенно я понял, что скорее всего основным ориентировщиком сегодня буду я потому что я взял с собой свою карту из машины и на ней всё очень хорошо нарисовано, почти всё есть: и улицы, и дома и их номера, причём оказалось, что всё соответствует действительности. К тому же карту эту я ношу очень близко и чтобы посмотреть в неё мне не нужно лезть в рюкзак. Мы идём вдоль длинного дома. Говорим, что вот интересно, люди спят и не знают, что мы тут идём. Андрюша говорит: «Они не спят, они проявляют.» Я долго не думал и сказал: «Проявляют плёнку и печатают фотографии.» А он проговорил: «Не плёнку они проявляют, они бдительность свою проявляют.»

Мы прошли много дворов и вышли на улицу. На остановке мы решили отдохнуть. Пока я снимал штаны и перематывал бинты Денис успел заснуть, а ребята отдохнуть. Было произведено очередное докуривание и мы пошли. Знаменательно, что одной из отличительных особенностей этого похода (как и любого похода через Москву) является запрет пользоваться каким бы то ни было транспортом. На улице уже наступило время, когда проснулись троллейбусы. Один из них пошёл на разворот и видимо, мы сидели на конечной. Он уже почти приготовился ехать к нам, как мы встали и пошли. Интересно, что подумал водитель.

Несмотря на раскрученность бренда Куркино с лозунгами типа «Куркино — это район

для нового поколения молодых и резвых», «Куркино: на один кубометр больше любви», «Куркино — район престижной малоэтажной застройки» и т.п. мы не увидели даже намёка на это, а везде стоят комплексы многоэтажных домов и огромные расстояния. Скорее всего, престиж кроется не тут, а где-нибудь в стороне, там, где раньше были красивые места, а теперь заборы, кирпич, ровный газон, охрана и пальцы, пальцы, пальцы.

Мы постепенно поняли, что теперь утро и надо как-то приспособливаться к условиям города потому что в городе появились светофоры и машины ездят сообразно поведению светофоров. Скоро мы должны перейти МКАД и в половине шестого мы это сделали. На Андрея с Васей нахлынул поток воспоминаний, связанных с одним из предыдущих походов, когда они посещали это место. Тут на развязке дорог есть специальные металлические ограждения, образующие треугольники. Мне крайне неудобно перелезть через них из-за бинтов на ногах, но есть такое слово «надо». Ещё мы думаем, как найти себе дорогу через лес, а то пока получилось так, что мы шли всё время по улицам. Мы пытаемся свернуть в лес, но у нас это не получается, всё время мокрый газон и нет тропинок. Наконец у какой-то остановки тропинка появилась и мы решили идти по ней. Углубились в лес и на наше удивление тропинка эта не диссипировала, а пошла по лесу. Мы сделали вывод, что по ней все срезают путь из западных Химок к метро Планерная. Но по всей видимости прогрессивных людей, занятых тут срезанием, не очень много потому что тропинка не мощна. Так хорошо пахнет лесом тут! Грибами пахнет!

В 5:50 на опушке леса у нас был технологический привал. В самый его разгар у меня зазвонил телефон и бодрый Мишкин голос прокричал: «Андрюшка! Ну где вы там? Почему ты не берёшь трубку? Мы уже на автозаводской!» Я объяснил, где мы находимся и мы договорились о встрече на Сходненской в 6:30. Все потрясены услышанным: Мишка и такие предъявы в полшестого утра! А на самом деле, наездов бы не было, если бы звонок в телефоне был включён. Оказалось, что телефон просто не звонил, вот я его и не слышал. Я тут же включил его снова, чтобы не было следующих непринятых звонков. Потом был разговор с Шурой. Он тоже в недоумении, почему я не отвечаю на телефон. Мы с ним тоже договорились о встрече на Сходненской. Теперь нас будет много.

Мы прошли мимо метро Планерная, где женщины уже вытаскивают на улицу столики для организации «точки быстрого питания». Суббота, а они работают с шести утра. Стало быть, встали они сегодня в четыре...

Мы идём по тротуару. Андрей нам рассказывает, что вот тут он когда-то работал. На наш вопрос, что он тут делал он как-то неопределённо сказал, что занимался химией. Потом после паузы он произнёс: «Я работал во многих местах...» Потом мы прошли по некоторому подобию бульвара. Удивительно то, что тут на бульваре нет деревьев, но есть детская площадка. На ней поставлен какой-то корабль и доспехи средневекового рыцаря. По-видимому, тут играют дети. В наше время не ставили на детских площадках таких кораблей. И рыцарей не было. Сейчас, наверное, детям интереснее играть. Раньше были только качели, карульса, которая сломана старшеклассниками и ещё песок, который не песок уже вовсе.

Ещё тут в районе метро Планерная много мест, где можно поставить машину на ночь. Тут специально оборудованные места для того, чтобы оставить машину под окном на улице, а не на платной стоянке или, поругавшись с соседом, у себя под окном. Тут можно на улице её оставить и она будет стоять на относительно просторе и никому не будет мешать.

Потом мы пришли к метро Сходненская и стали искать место, где бы приткнуться. Как это водится в Москве, вокруг нет ни одной лавочки, где можно было бы сесть и посидеть. По-видимому, это объективный фактор. Если лавочки есть, то на них либо сидят или лежат бездомные, либо сидят молодые девочки и мальчики, причём сидят обычно на спинках, а на сидения ставят ноги. Почему — не ясно. Зачем садиться так, чтобы

никто уже не мог после тебя воспользоваться этой лавочкой? По этому поводу в голове возникло такое воспоминание. На русских церквях есть золотые кресты. Чтобы они не были насмерть усижены воробьями, на них частенько наверху есть гвозди, которые вбиты навсегда в крест, чтобы этим воробьям трудно было сидеть. Кресты ведь созданы для людей, для их души. Может и с лавочками нужно поступить подобным образом? Так вот, вернёмся к тому, что сесть можно только на очень холодный гранит выхода метро. Но и тут мысль не дремлет: если ты садишься на парапет, то обязательно висят ноги. Кто знает, ноги могут висеть не более 5 минут, а потом они начинают затекать и приходится вставать.

Но мы справились и с этим потому что из-под земли вышли Мишка и Тима и мы стали радостно встречаться. Вокруг люди обратили на нас внимание. Мы представляем собой довольно странную группу: мы улыбаемся, радостно встретившись в полседьмого утра. Тима достаёт термос (что само по себе необычно), но из него доносится запах специального тонизирующего напитка, который пьётся Андрюшей и главным образом, все уговаривают отведать его Дениса, который говорит, что с каждой секундой ему всё труднее и труднее не спать. Ему выдаются советы относительно этого зелья. Общий вывод таков: надо бороться со сном и в этом все средства хороши, в том числе и чай с золотым корнем.

Мы достаём карты и начинает идти дождь. Это уже грустно потому что поход для некоторых только начинается, а погода так подсуришила. Мишка выражает нетерпение по поводу начала движения. А мы говорим, что сейчас подъедет Шура. Поэтому мы спокойно продолжаем смотреть в карту и искать пути. Тут поступил звонок от Шуры, мы немного им поуправляли на расстоянии, видя его со спины и потом ещё более радостно встретились. Теперь мы все в сборе (по крайней мере, на ближайший час встреч больше не намечено) и можем идти дальше.

И мы быстро пошли. Рядом с кинотеатром мы видели машину, которая была явно угнанной, ибо у неё были открыты двери и не потушены фары. А ещё у машины было разбито стекло. Недалеко от неё милиционеры отчитывали за что-то каких-то парней, но совершенно не смотрели на эту машину. Мы тоже прошли мимо: в конце концов, на машину обратят внимание.

Мы идём и рассказываем, что мы очень далеко забрались ночью и к настоящему моменту уже прошли порядка 30 километров. Но надо отметить, дикой усталости пока что нет, только один Денис выглядит совершенно изнурённым борьбой со сном. Остальные выглядят бодрячками и стремятся вперёд. Мы слегка рассказали о том, каково было нам в Зеленограде, что мы пробирались какими-то просёлочными дорогами в районе Сходни и уже несколько раз выходили из Москвы и снова в неё входили.

На нас надвигается дождик. Вот он уже и начал капать. Возникает краткая дискуссия: одеваться или нет. Часть людей начало переодеваться в непромокаемые куртки. Когда мы шли мимо парка Покровского-Стрешнево вдоль улицы Свободы, у меня возникла идея снять штаны. Все почему-то отнеслись к ней как к шутке юмора, но идея эта ясна: если пойдёт дождик то мне придётся переодеть штаны на непромокаемые и лучше это делать в парке, где сейчас никого нет, чем на улице или во дворе, где гуляют дети с собаками или бабушки друг с другом.

Мы пересекли Деривационный канал уже под слабо идущим дождиком и устремились через дворы. Потрясло то, что абсолютно во всех дворах есть газоны из зелёной-зелёной травы. При этом на траве нет листьев, их убирают дворничихи. Какая-то собака так нас испугалась, что залаяла от испуга и вдруг откуда ни возьмись появились ещё такие же собаки как она и стали лаять друг на дружку. Мы ушли, а они продолжали лаять.

А мы хотим попасть на мост, который обозначен на наших картах через канал имени Москвы. Когда мы прорвались через стройку, а строят тут множество (точнее, последовательность) высоченных домов-свечек элитного жилья, оказалось, что тут шлюзы и

по одному из них проложен пешеходный мост. Мы по нему прошли. Идёт небольшой, но уверенный дождик. Перед нами идёт какая-то женщина с сумкой и оглядывается на нас потому что мы ведём достаточно громкие разговоры и нас много. На той стороне канала оказалось ещё более элитное жильё: тут трёхэтажные дома, английские газоны и много каменных лужаек. Интересно, кто тут может жить... Когда за заборами появились стоящие там чёрные машины с представительскими номерами, нам стало ясно, что тут что-то не так. Обогнув прочные заборы по улице, мы чуть спустились вниз и увидели надпись золотыми буквами на стене: английско-канадско-американская школа.

Мы прошли ещё чуть-чуть и дошли до больницы гражданской авиации. Именно сюда и идут люди и едут маршрутки. Сейчас около 9 часов и движение в самом разгаре: характерного вида люди с сумочками, с зонтиками и не особенно весёлыми лицами идут нам навстречу и слегка недоумевают, ибо вид у нас уже слегка мокроватый. Мы идём в горку по Иваньковскому изгибающемуся шоссе, а нам навстречу несутся маршрутки и иные машины. Но нас это не смущает, так как мы находимся в предчувствии еды. Здравую мысль немного покушать все вдруг поддержали с очень большим настроением.

На каком-то из въездов в лес (в лесопарк «Покровское-Глебово»), под слагбаумом из трёхмиллиметровой стальной ржавой трубы на бетонном блоке (чтобы ни один человек не смог проехать на своей машине) мы и устроили перекус. Я с большой радостью снимаю штаны: джинсы передеваю на непромокаемые капроновые. Этому мешают бинты на коленях. Мишка слегка удивлённо говорит: и ты так идёшь! Я вполне спокойно отвечаю, что годá уже не те и я предпочту ещё пройти так, чтобы хоть куда-то прийти. Хотя, правду сказать, я с превеликой радостью снял бы это всё и выкинул в урну, но уже боюсь: не пройти мне теперь 100 километров без удобной обуви, без свободной одежды, без бинтов на ногах...

Мы едим. Точнее, мы уплетаем то, что есть. Особенности эмоции вызывает «коса». Мы её жуём и всячески восхваляем, но делаем это с трудом. Вася в душе гордится таким великим продуктом, который трудно есть, но который зато не портится. Как-то сам собой возникает вывод, что еда у нас кончается и что кроме хлеба и «косы» особено есть нечего. А дождь всё сильнее идёт. Вот уже стал промокать орешник, под которым мы сидим. И мы пошли дальше, зафиксировав неутешительный результат: мы ели около 40 минут, так и не отдохнув толком.

Нас подверг здоровой критике молчаливый Андрюша. За время отдыха он сидел и всячески курил, недовольно и нервно глядя в серый дождь. Иногда он произносил какие-то фразы. Из одной из них следовало, что нам надо всем (и ему самому) надавать по шапке за то, что мы не отдыхаем, а лосим вперёд без остановки. Что он будет принимать решительные меры и не обладая никакими часами и времени-измерительной аппаратурой он будет горой стоять за отдыхи и не будет жалеть живота своего в борьбе за это правое дело. Мы заверили, что тоже будем своим животом стоять за то же. На том и порешили.

Дождь пошёл сильнее и я пожалел, что снял штаны. Надо было надеть другие прямо поверх первых. Как только представится такая возможность, я исправлю ошибку. Мы пересекли Волоколамское шоссе. Дождь идёт очень сильно и к тому же ещё ветер дует. Самое, что должно всех удивлять, так это наша решимость. Представьте картину. Утром в субботу Вы вяло встаёте: на улице мрачный надвигающийся дождик. Потом Вы вяло делаете все свои дела и после вялого завтрака (с большим количеством воды после вчерашнего) Вы идёте по делам общественным. Вы вяло снимаете со стены зонтик, одеваетесь, вяло жмёте на кнопку лифта потому что влом идти вниз по лестнице пешком с третьего этажа просто потому что ломает и потом вы вяло выходите на улицу под проливной дождь за хлебом, мясом, луком и молоком потому что есть такое слово «надо». И тут мимо Вас по лужам, по газонам, уже с промокшими ногами и в прилипающих к коленям джинсах, в мокрых куртках быстро идёт стадо людей с рюкзаками. Причём идут друг за другом, без

разговоров, молча. У первого подмышками крепко зажата карта местности. Они полны решимости и видно, что идут не первый час, видимо потому что есть такое слово «надо»...

Мы вышли в таком виде на улицу академика Курчатова и тут я впервые понял, что для того, чтобы ориентироваться, мне нужно укрытие. Дело в том, что карта моя стала промокать. Идёт такой сильный дождик, что нужны либо навесы, либо зонтики. И тут настал важный момент: Денис основал «Лигу Отпочковавшихся» от этого похода. Не вынесло тело поэта таких издевательств. Похоже, пытка отсутствием сна возобновилась. По-видимому, всемогущая мощь золотого корня полностью уже исчерпалась и человеку стало невыносимо хотеться спать. На всякий случай он взял номер нашего сотового, чтоб если что, подсоединиться к нам попозже, и с трудом пошёл к метро Шукинская. А мы продолжили шлёпать по лужам.

Тут на моё счастье есть ещё один парк, где можно снять штаны. Я утепляюсь и становится лучше. Мы идём по улице, по которой я год назад учился водить машину с инструктором. Несмотря на то, что Василий Михайлович говорил мне, чтобы я запоминал дорогу, а не то, что вокруг неё, я каким-то образом преуспел и в запоминании окрестностей. Обычно дело было в темноте и к тому же я был в шоке от вождения автомобиля. Но почему-то эти места мне показались знакомыми и вскоре я понял почему. Когда на светофоре мы переходили улицу, я вспомнил этот светофор (так как был на проезжей части). Также я вспомнил и эту голову Курчатова, всегда зловеще торчащую из земли при ярком свете фар и под проливным дождём. Поразительная штука — память!

Люди, стоящие на остановках, взирают на нас, а мы на них. Насколько же хочется остановиться и помахать им рукой, передать привет! Но поймут ли? Под проливным дождём по улицам гоняют машины со скоростями, близкими к 60 или 80. Замечено, что водители дорогих и хороших машин чаще, чем водители Волг и Девяток остановятся или хотя бы значительно снизят скорость, если под дождём идёт по дороге человек. Почему это? Не ясно. Но нас порой обливают водой из-под колёс именно этих Волг и Девяток с Девяностодевятками. Нам-то что, мы уже мокры, но стало жалко девушку, стоящую на светофоре и облитую водой. А она ведь куда-то шла в субботу... Захочет ли идти дальше? Почему эти водители такие: врубят свой музон и жмут на гашетку, положив на всех? Не знаете?

С этими мыслями мы быстро прошли по улице маршала Бирюзова. Ориентирование у нас было под навесом подземного перехода. За те недолгие минутки, которые мы тут провели, с нас налилась лужица воды. Причём очень смешно смотреть не на нас, а на людей, которые смотрят на нас. Они в крутом клинче. Они просто такого никогда не видели. Ну разве можно в здравом уме ходить по Москве с картой, под дождём, с рюкзаками? Какой в этом смысл?

И тут наши лица посветлели. Все поняли, что сейчас пойдём мимо ТЭЦ, где все работали. Примерно 40 минут все говорили только об этой ТЭЦ. Когда маршем шли мимо неё, припоминались те окна, которые красились, вспоминались те стёкла, которые были разбиты, те верёвки, которые тут висели, ту замазку, которая тут была, те деньги, которые тут были заработаны и потом использованы в самых великих походах и тому подобное. Все всячески восхваляли эту ТЭЦ и радовались как дети, глядя на её строения, трубы и городирни. Даже несмотря на то, что окна тут уже заменены на другие, что они уже покрашены в другие цвета.

Чтобы не плутать по бесконечным улицам, мы решили пойти по дворам и там заплутали. Вокруг всё время плоды акции «Мой дом мой подъезд» (знаки препинания тут надо расставить самостоятельно в соответствии со своими знаниями и хитростью ума): повсюду заборчики, загончики, травка и перпендикулярные бордюры. Внутри одного из них стоит машина. Забор сварен вокруг неё. Эта машина тоже участвует в конкурсе «Нужная и необходимая машина, без которой мне трудно жить». Таких машин мы наблюдали уже

несколько за сегодня.

Выйдя на проспект маршала Жукова, Василий покрутил головой и сказал: «Тут где-то живёт Володя!» и погрузился в размышления о его телефоне. Учитывая тот факт, что Володя может сорваться на такой поход, размышления его были тяжелы и долги.

Тем временем мы пришли ко второму Силикатному проезду и окунулись в промзону бесконечного автобусного парка и всего остального. На одном из поворотов чуть не стали свидетелями аварии двух машинок. Девушка за рулём «гольфа» решила повернуть налево и как это обычно водится, не стала смотреть направо. А оттуда летел мужичок на «десятке» и мы чуть не угодили в свидетели их горя. Но по счастью у мужика были неплохие тормоза, а девчонка не нажала резво на газ и не поехала с испугу очень быстро. Поэтому они чудом разъехались. На этот раз повезло.

Мы идём по улице, а с двух сторон бетонный забор. Но тут вдруг в заборе слева, как раз там, где мы идём, появился прогал и тротуар ушёл внутрь. И тут мы увидели, что тут жилые дома, но общажного типа. Возле домов растут старинные толстые липы и есть место, чтобы сесть и бухнуть после рабочего дня. Мы тоже сели отдыхать. И тут в этом анклавe жилых домов среди беспросветной промзоны свершилось то, чего мы так давно ждали. Вышло солнце и стало бить в нас. Лучше было бы, чтобы оно струилось, но оно начало бить и мы вскоре пошли дальше, сделав несколько контрольных докуриваний и заметив, что при начале движения уже приходится слегка разгоняться.

Вышли снова на улицу и заметили, что прямо возле дороги стоит торец дома с совершенно непрозрачными стёклами. Издали было похоже, что окна забиты фанерой, но вблизи оказалось, что это просто сухая грязь с дороги. Вот так тут живут. Потом мы шли довольно долго мимо глухих заборов, из-за которых слышался мощный промышленный шум. Ещё тут есть собаки. Они тормозные слегка. Они не реагируют на одного человека, прошедшего мимо них. Но когда мимо них прошли сначала двое, а потом ещё двое, то они дико возбудились, увидев ещё людей. Они выскочили из-за ворот и начали бросаться под колёса грузовиков, захлёбываясь в остервенении своего лая. Надо сказать, что нам повезло, что мы так быстро перешли на другую сторону улицы, а то пришлось бы иметь с ними общие дела.

Тут мы увидели, что за забором идёт погрузка металлолома в железнодорожные вагоны. Огромные экскаваторы с диким шумом бросают тонны металла в другие много-тоннажные металлические ёмкости. Зрелище специально для людей, любящих великое. Можно часами стоять и смотреть, получая дозы кайфа от этого жуткого шума и зрелищности процесса. Тем временем дождь кончился и вышло солнце. Скоро у меня высохнут штаны и захочется их снять. Я начинаю думать об этом, но не во всеуслышанье.

И тут мы неожиданно пришли в жилой район и были поражены тем, что тут идёт мощная стройка. Строится жильё, близкое к элитному. Строится прямо посередине огромной промзоны, если внимательно посмотреть на карту. Но людей это не смущает, они стоят возле подъездов и смотрят на нас. А у нас снова выступление против варварских методов туризма. Андрюша говорит, что вот мы снова уже шли 45 минут и надо отдыхать. Нам удалось найти место, где можно части людей снять вторые штаны. Этим местом была

детская площадка. Потом мы прошли ещё немного и нашли уже более приличное место: возле коробки стадиончика есть такие столики для игры в домино и небольших квасцов с товарищами по двору и по гаражу. Тут можно немного посидеть и позаниматься делом, а не мочалить на кухне капусту и не смотреть в телевизор на то, как 20 здоровых мужиков пинают бычий пузырь полтора часа подряд.

Тут у меня была попытка снять штаны и перебинтовать колени. За этим занятием нас застал мужичок. Он издали увидел, что мы идём к столу для домино и пошёл за нами, видя, что мы сейчас будем что-то за этим столом делать. Но приблизившись, он стал наблюдать это снятие штанов, бинтовку и перебинтовку и решил, что квасцы будут позже и ушёл куда-то в глубины дворов и строек.

И тут неожиданно пошёл сильный дождь и пришлось отложить снятие штанов и непромокаек. Поэтому мы снова пошли и вскоре вышли на Шелепихинский мост через Москву реку. Тут снова дождик кончился и мы прошли по мосту к церкви Покрова в Филях. Хотели было чуть срезать, но делать этого не стали и похоже, что правильно. Никто не может гарантировать, что если Вы войдёте внутрь забора, то с другой стороны выйдете из него. Мы обошли вокруг этой церкви, я слегка рассказал, что прямо рядом с моим домом есть храм тоже в стиле Нарышкинского барокко. Раньше я думал, что таких церквей мало, но по мере гуляний по Москве я стал понимать, что их не так уж и мало. Сейчас только могу штук шесть вспомнить, а если порыться в закусках памяти, то ещё можно вспомнить.

Ещё мы с Шурой обсуждаем машинки, глядя на стоянку возле этой церкви. Общий вывод у него таков: в принципе, покупать машину можно, если ничего для этого не делать. Как я понял, трудно выбрать машину для себя: то размер не тот, то сидеть неудобно, то педали располагаются не по росту.

Постепенно мы начинаем уже терять всякие надежды покушать. А кушать уже пора, ибо время сейчас уже половина первого. Мы хотели отметить первые двенадцать часов нашего пути, но не пришлось: мы были в промзоне. Теперь была смутная надежда найти хоть какое-нибудь местечко возле метро Фили, но его нет потому что московские власти начали непримиримую борьбу за уничтожение кустарщины и неучтёнки в сфере общественного питания. Теперь можно только пить пиво. Есть негде и нечего, но полно ларьков с сигаретами, салонов связи, магазинов с мороженой едой и пивом, пивом, пивом. Возле метро Фили мы вели себя по правилу буравчика минут 10: пришли, покрутились и ушли.

И вышли мы на улицу 1812 года. На этой улице у нас было несколько впечатлений. Первое — это наша коллекция «необходимых машин» пополнилась ещё одной. На охраняемой стоянке стоял ушастый Запорожец в таком ужасающем состоянии, что номер ему точно был ни к чему. Но номер на нём был и видимо, эта машина использовалась её владельцем, ибо стояла не на свалке, а на стоянке. Второе — Шура нам рассказал, что менее недели назад они целенаправленно встречались в этих краях с Денисом Баско потому что у них были тут дела. Третье — это забор справа от дороги. Он велик тем, что сложен из кирпича. Кирпич этот имеет ряд особенностей:

1. В кладке участвуют три разноцветных сорта кирпича.
2. Сорта использованы в кладке хаотически.
3. Кирпичи в кладке не перекрывают друг друга, а лежат друг на друге таким образом, чтобы швы образовывали прямые линии сверху донизу забора и справа налево.
4. В некоторых местах видно, что изначально забор был из столбиков, а потом был заложен до состояния глухого забора, а в остальных местах было видно, что тут забора вообще не было.

Согласитесь, наличие этого очень прочного забора почти на Поклонной Горе (до неё идти 7 минут) свидетельствует о том, что наш город очень многообразен и настолько древен, что даже трудно предположить, что Вы увидите в следующую минуту.

Мы идём с Васькой чуть впереди и обсуждаем наше состояние после половины пути. Сошлись, что когда идём в горку (как сейчас) уже трудно себя заставить идти быстрее, что есть уже «правда в ногах», то есть уже в ногах ощущается усталость. Когда поднимались по лестнице я понял, что эта лестница очень крутая. Пришлось братья за перила и руками подтягиваться, помогая ногам. Мишка тут же это заметил и спросил, почему я так иду. «Это из-за бинтов или колени настолько устали?» Я ответил, что ноги негибаются и подумал, что ответ абсурден: довольно трудно правильно ответить на вопрос типа «Что было раньше, курица или яйцо?»

И тут мы вышли на Кутузовский проспект. Конечно, тут уж мы точно не поедим. Поэтому мы сразу пошли отсюда в дома на другой стороне. Подумалось такое: если Вам зададут вопрос «Вы часто ходили к Триумфальной арке?», ответите ли Вы на него? Я честно признаюсь, что не подходил к ней никогда. Насколько же надо привыкнуть к процессу существования в городе, чтобы ни на что не обращать внимания! Я даже не помню, есть ли на ней кони? Вроде там стоят люди, а вроде бы и нет. Что на ней? Какого цвета колонны на ней, да и есть ли они вообще на ней? Ужасно, но я этого не помню! Я точно знаю, что по этому подземному переходу, в котором специально есть указатель «К Триумфальной арке» я не ходил никогда. А почему? Почему мне никогда туда не было надо? Разве меня это не интересует? На все эти вопросы у меня нет ответа потому что ответ абсурден. Ответ таков: «я не знаю»... С этими мыслями мы пошли к Поклонной улице, а потом к улице братьев Фонченко. Вы знаете, кто такие братья Фонченко? Я к своему стыду понятия не имею, кто это такие.

На углу этих двух улиц у нас был такой эпизод. Тут было неясно, куда идти. Прямо как в песне Визбора: «Направо — нельзя никак, налево — одна тоска, давай-ка вперёд пока, прибавь-ка, браток, газка». Представьте нашу ситуацию. Мы выходим из подворотни (хорошее название для домов на Кутузовском проспекте) и видим, что впереди парк Поклонной горы. Конечно, парк огорожен забором. Справа этот забор идёт до Кутузовского проспекта и нам туда не надо. Слева нет ничего, точнее там бетонный забор, а за ним нечто промышленное. Остаётся только один путь: прямо, там ворота в заборе и дорога идёт туда. Но есть одна маленькая неувязочка: там стоит в воротах наряд милиции вроде бы даже с оружием и зорко смотрит на всех, в том числе и на нашу группу. Они явно видели, что мы смотрели в карту. У большинства из нас состояние, близкое к замешательству: куда деться? Ну я взял и пошёл прямо к милиции и прошёл мимо них в ворота. И меня не остановили! Я прошёл в парк и меня никто не тронул! Ура! Тут можно ходить! Где-нибудь в горах вы боитесь кого-то, думая с дрожью общественного сознания, можно ли тут пройти? А в городе Москве я об этом постоянно думаю. Это нормально или нет?

Тут в парке на газоне пасётся множество птиц. По-моему, это дрозды или скворцы. Мы идём и слышим какие-то звуки. Оказалось, что тут идут учения. Оказывается, тут есть пожарная часть и сейчас у пожарных идут соревнования. На стене лозунг, похожий на такой: «На пожаре, как в бою». К тому же тут на Поклонной Горе, между железной дорогой и парком были раньше жилые дома (никогда бы не подумал). Теперь в этих домах идёт капитальный ремонт и всех жителей отсюда куда-то выселили. Тут пятиэтажки и с их крыш сбрасывают с диким шумом весь рубероид и герметик. Громко получается. У нас в группе есть эмоциональные всплески по поводу хождения или не хождения по траве и по асфальту. Одним нравится трава и не нравится асфальт, а другим наоборот. Потому и выражаются эмоции. Но эмоции мы отставим, так как мы выходим на пешеходный мост к платформе Москва-Сортировочная-Киевская. Мостик этот очень похож на мостик через шлюз на канале имени Москвы.

Мы видим много путей, заставленных длинными составами и у нас дилемма: пойти направо или налево. Решили пойти налево, как это часто бывает. Это решение было принято не случайно, ибо мы смотрели за движением машин на той стороне этих бескрайних путей и пришли к выводу, что нам надо огигать это слева. Гордо пройдя по мосткам через пути, проложенным для персонала и технической службы станции, мы прошли по дорожке мимо каких-то складов по рельсам, которые совершенно уже ушли в землю на улице и увидели, что по этой дорожке пешеходы сегодня шли вниз, по направлению к Сетунь. Причём шли они туда уже после дождя. Недолго думая, мы поняли, что это следы «Зелёного Фидора» — такого человека, который знает потаённые ходы и проходы, мосты через Сетунь, дыры в заборе ЗИЛа и т.п. По этой тропе мы и вышли к мостику через Сетунь. Это пешеходный навесной мостик. Река Сетунь очень грязна. Несмотря на то что там, где я работаю (в районе Очаково) я видел на ней уток, которые в неё ныряли, самому в неё нырять не хочется вообще.

А на том берегу Сетуни мы увидели край, похожий на рай. Представьте такую картину. Есть асфальтовая пешеходная дорожка. С одной её стороны растёт пыльная высокая и местами довольно помятая трава. В этой траве иногда лежат пластиковые бутылки, пакеты, конечно же окурки и прочие следы людей, сберегающих тут окружающую среду для своих детей. Ещё тут гнутые ясени и под их сенью гаражи с лужами и грязной дорогой. Люди чинят Волгу, долбая молотками по колёсам. А прямо в метре от другой стороны дорожки натянута сетка Рабеца и за ней 400-летний английский газон поля для гольфа. Прямо в углу забора стоит флажок у какой-то горки и лунки. Видна табличка, что это лунка номер такая-то. А по дорожке идёт длинноволосый пьяный парень в кожаной куртке и чёрных штанах, пьёт какое-то пиво из полуторалитровой бутылки. Контраст этого всего поразительный!

Мы наблюдали за этим, ориентировались, глядя в карту и ждали Андрюшу, который стал переодевать ботинки на кроссовки потому что уже хромает. Это был первый знак ухудшения здоровья группы. Он передел это и сказал, что стало лучше потому что это будет теперь натираться в другом месте. Хотелось бы, чтобы оно не натиралось вовсе, но мы прошли уже много километров. Вася вводит очередную точку в свой GPS.

На карте мы наблюдаем некий круглый дом, но он находится за этим забором для гольфа. Не знаем, увидим ли мы его, нет ли и идём по общему направлению к нему. В итоге так и не увидели в силу множества причин: деревья, дома, просто нежелание, чтобы это видели другие. Район тут глухой. Несмотря на то, что элитная Мосфильмовская улица примерно в полукилometре отсюда, тут пятиэтажки, люди глухого и неухоженного вида, много инвалидов. Мы идём по дворам. Интересные эпизоды тут такие. Свадьба. В подъезде стоят нарядные девушки. По-видимому, подруги невесты или просто её сёстры. Конечно, все из себя очень красивые. Ждут, что с минуты на минуту подъедут. И тут идём мы. Мы сразу начинаем обсуждать, а не зайти ли нам на свадьбу поздравить молодых. Что мы можем спеть и даже пока можем сплясать. Точно можем поесть часок. Их реакция понятна: они сразу на нас стали смотреть и были рады, что мы просто прошли мимо.

Ещё мы шли там по переулкам и пытались обогнать экскаватор, а он пытался обогнать нас. Эта затяжная гонка длилась довольно долго. Мы его не могли обогнать потому что тут очень узкий тротуар, к тому же который часто перекрыт ветками кустов и деревьев. А он нас не мог обогнать потому что очень узкая проезжая часть и к тому же на ней «лежачие полицейские» всё время. Так мы и мучились все. Но он в конце концов куда-то свернул и мы свободно вздохнули кислородом, а не солярочным выхлопом, которым он заполнил тут все дворы.

А потом мы перешли Мосфильмовскую улицу в том месте, где на той стороне Мосфильм только что кончился, а дома ещё не начались. Тут есть очень интересный природный объект: огромная яма. Она не была вырыта, она просто не была засыпана. По всей

видимости, когда-то давно тут был глубочайший овраг и когда строили Мосфильмовскую улицу, его засыпали, сделав высоченную насыпь так, чтобы улица была почти ровной. Со стороны посольств овраг тоже засыпали, сделав всё ровно под уклон к Сетуни. Но вот с другой стороны осталась такая ямища, что мы даже не поняли какой она глубины: на её дне растут высокие деревья, до макушек которых очень далеко. К тому же там просматривается футбольная площадка. На такой глубине, что неизвестно, давно ли туда вообще спускались люди. Тут есть спуски в какие-то низы. Раньше тут, наверное, ходили творческие люди с Мосфильма. Может быть, они тут гуляли или что-нибудь даже снимали. Но сейчас это заброшено, замусорено и завалено полиэтиленом, пивными бутылками и просто мусором и грязью. У нас с Тимой краткое обсуждение. Общий его смысл таков: пока это ничьё, тут будет так всегда. Сейчас можно было бы тут навести порядок, но это никому не нужно, (всё равно тут никто не ходит из местных жителей). Но если бы это было «частной территорией», то тут-то бы уж они развернулись. Всё бы понадобилось: и склоны, и дорожки вниз, и лестницы, и ступеньки из бетона и даже перила. Мы же прошли и увидели то, о чём я лично никогда не подозревал, часто тут проезжая на троллейбусе и видя абстрактный лес за окном.

Постепенно мы вышли на Университетский проспект. Скоро мы войдём в Университет. Нас сейчас семеро и трое из нас учились здесь. Нам так хочется попасть наконец туда. Мы ещё тешим себя надеждой, что хотя бы на территории университета можно поесть. Может там всё-таки работает хотя бы одна столовая, куда нас пустят? Нам так хочется отдохнуть в родной обстановке, но мы никак не можем найти себе место. Мы говорим о том, что неправильно бороться с точками питания, ничего не создавая им взамен. Попробуйте, найдите место, где можно что-нибудь поесть! Мы конечно понимаем, что идём не по самым жилым местам, где столовые могут быть. Но ведь нет ни кафе, ни ресторанчиков на улицах, как это бывает в других городах. А ведь сейчас лето! Почему негде сесть и поесть чего-нибудь? Мы не понимаем.

Мы идём к воротам Универа на Мичуринский проспект и в это время нам звонит Ленка. Она удивилась, что мы уже в Университете. Она хочет к нам присоединиться, поскольку в планах у нас идти через Битцевский парк в Бутово. Мы договорились встретиться с ней на входе в Битцевский парк через 2 часа, в 16:00. А сами вошли в Университет. На проспекте растут яблони, сгибающиеся от большого количества яблок. Тима говорит, что ему всегда было жалко такие деревья, которые по-дикому растут. На вопрос «почему по-дикому?» он ответил, что в садах или на даче ты заботишься о яблонях: подпорочку поставишь, оборвёшь часть яблок, а тут они гнутся, ломаются и не могут снести своего урожая.

Мы идём по улице. В университете очень мало людей и последние остатки надежды на открытость столовой тают у нас с каждой минуткой. Когда мы пришли к «десятке» нам многое стало ясно. Столовая замурована насмерть. Мы в отчаянии сели прямо на бордюр тротуара и стали грустить. Начались звонки по телефонам. Нас проводывали родные и близкие. Мы сидим, сняли ботинки, наши ноги отдыхают. Андрюша сидит на другой стороне дороги, под яблоней на огромном камне и нервно курит, занимаясь элементами медицины по отношению к своим ногам. Мы едим «косу» и хлеб, понимая, что скоро у нас еда закончится. Грусти нашей нет предела. Мимо нас иногда проезжают машины и проходят люди, совершенно не понимающие, что мы тут делаем. А мы сидим, сушим голые пятки, уминаем некий продукт и смотрим на мир широко открытыми глазами. Глаза нам показывают, что вот-вот пойдёт сильный дождь. Но мы привыкли уже к этому и смотрим на то, как тут учится останавливаться легковая машина с новичком за рулём. У нас сложилось впечатление, что инструктор специально вышел из машины потому что его там качало: настолько резко происходит троганье и рывки при торможении.

Посидев и поняв окончательно, что ловить в универе еду бесполезно, мы решили делать это у метро и медленно тронулись по направлению к нему. По дороге мы прошли мимо

родного нам Химического факультета, где учились Тима с Андрюшей. То, что мы увидели, нас очень удивило. На ступеньках факультета сидит Менделеев и грустно смотрит вокруг. Рядом с ним разваленный его постамент. С постамента содран весь гранит и постамент смотрится как некий серый вырост. Менделеев же сидит рядом с народом и складывается впечатление, что к нему можно подойти и поговорить, пожаловаться на свою нелёгкую долю. Он, в отличие от Бутлерова, который сидит высоко над землёй справа от ступенек, выглядит ближе к народу.

Потом мы прошли мимо моего факультета (ВМиК). Надо сказать, что народу в университете сейчас не изобилие. Те, кто ходит, выглядят усталыми и грустными. Ещё бы, ведь идёт сильный холодный дождик и совершенно не наблюдается ни единого просвета на небе.

Так в грусти мы пришли к метро. Первой нашей мыслью было зайти в Университи в надежде там поесть. Но нас снова обломали. Там есть точка питания, только в ней цены были несколько выше, чем мы ожидали и мы ушли, прочно поняв, что чай Lipton за 60 рублей мы пить не будем. Интересно, есть ли перспективы у такого рода заведений в Москве?

Мы перешли на другую сторону проспекта Вернадского и о чудо! Мы нашли там кафе. Войдя внутрь, мы увидели, что там играет вялая музыка, полумрак и никого народу. При этом там столы и высоченные такие стулья. Нам самое оно, сидеть на таких стульях. К тому же за одним столом сидит девушка и говорит, что стульев тут других нет и быть не может. Мы решили уйти отсюда.

Но выйдя на улицу, зашли почему-то за угол этого дома и тут нам неожиданно повезло. На улице оказалось летнее кафе. Незамедлительно было принято решение оставаться здесь, поскольку тут нас встретили радушно, подав меню с социально доступными ценами (в некотором смысле, учитывая, что мы всё-таки в Москве и это одно из немногих кафе). Идёт сильный дождь. Девушки, которые подают, делают всё довольно медленно. Мы пока отдыхаем, слегка потягивая очень холодное пиво. В итоге мы тут сидели час и поели в общем-то, хорошо, если бы не было так холодно. Обладая большим опытом замерзания, я в этот раз не замёрз потому что сразу очень тепло оделся. Просидев тут на стуле на сквознячке, я стал понимать, что у меня всё-таки довольно тяжёлый рюкзак: у меня стала затекать дельтавидная мышца на плече. Пока острой боли нет, но она может потом начаться. Печально то, что бороться с этим трудно потому что ещё очень далеко идти и всё это будет при температуре не выше теперешней. К тому же дальше начнётся большая усталость и организм вообще перестанет отдыхать. А когда он перестанет отдыхать, то затекать станет вообще всё, начиная от плеч и ног, кончая пальцами на руках.

Василий вводит точки в GPS (а может быть, он их уже обрабатывает). Он периодически говорит нам, сколько мы прошли по прямой (от самого начала), но не знает, сколько по ломаной. Мы конечно думаем, что это в полтора раза больше, хотя это на самом деле не так. Сейчас дело идёт уже к 55 километрам. Мы понимаем, что если мы посидим тут ещё часок, то не успеем дойти и поэтому как только нам дают возможность расплатиться, уходим отсюда и под дождём начинаем медленно разгоняться потому что уже стало труднее. Особенно стало труднее Андрюше. Он говорит, что быстрее идти он не может и просит нас помедленнее. Мы уже на всё согласны и идём почти по азимуту дворами. Я очень хорошо знаю эти места. Сказать правду, я обходил пешком почти все места в радиусе двух часов ходу от моего дома и я говорю, что «я тут живу» и поэтому мы пойдём кратчайшим путём до Битцевского парка. Мужики шутят, что они очень не рады тому, что на время их мозговые клетки остаются незатребованными и у нас продолжаются разговоры на разные темы.

Идёт сильный дождь. Мы дворами проходим какие-то районы и обсуждаем, когда же нам лучше звонить Ленке. Спорили на эту тему мы примерно 20 минут. Тем временем мы

прошли мимо парикмахерской. Василий машинально говорит, что неплохо было бы зайти и подстричься. При этом сразу возникает в голове картина: семеро совершенно мокрых и уже порядком замучившихся людей входят в элитную парикмахерскую. С них начинается лужицами стекать вода, накапливаясь на полу. Что будет дальше? Да нас просто выгонят отсюда!

У нас начинаются «разговоры о планах». Обсуждаем, что надо бы купить еды и главное, вина на окончание похода. Планирование действий получает развитие. Мы начинаем говорить о Бутово. Я знаю, что там есть «Ароматный мир», но не знаю где. Знаю только примерно. Так как до него ещё порядка 20 километров, мы себя чувствуем уверенно и каждый думает, сможет ли до него дойти. Мне пока кажется, что я смогу. Для пущей уверенности мы останавливаемся передохнуть на автобусной остановке и начинается перематывание ног. Снимать штаны было нелегко потому что сейчас уже 15:30 и вокруг полно женщин и машин. Ценой невероятных усилий удалось сменить повязку на ноге. Я снял с левого колена эластичный бинт. Это делается только потому, что наступил такой момент, когда в бинте я уже 12 часов. Надо дать ноге отдохнуть: я стал чувствовать, что кровь там не ходит, нога пухнет и становится больнее. К тому же у нас есть Шура: большой специалист в области экстремальной медицины и патологических характеров проявления заболеваний. Он начинает рассказ об отмирании конечностей, вызванном их нецелевым использованием.

Тем временем мы проходим метро Новые Черёмушки, потом выходим на улицу Намёткина и приходим в магазин. Скоро у нас немечается проход через Битцевский парк. Поэтому нужно что-то купить поесть и ещё попить. Вино пока решили не покупать потому что ломает его нести, к тому же в Бутово «Ароматный мир» ждёт нас. Мы помним о том, что нам советовали много пить соку или минеральной воды для того, чтобы не болели колени. Мы покупаем воду и немного соку. Когда вышли на улицу, поняли, что нам осталось до встречи с Ленкой 15 минут, а надо ещё пройти много. Поэтому ринулись на улицу Херсонская.

Тут альтернатива Покровскому-Стрешневу. Хотя тут газоны похуже, чем там (просто ещё не успели вырасти), но тут зато много детских площадок с асфальтовыми дорожками. Понравилось то, что на дорожках сплошная разметка по краям, а не бордюр. У нас долгие рассуждения по этим вопросам. Поскольку мы люди системные, то взвешиваем все «за и против». Есть очевидные преимущества у разметки: её видно в темноте и поэтому идёшь по дорожке, а не падаешь в грязь, спотыкаясь о бордюр. Но зато когда будет лёд, по дорожке будешь скользить и будешь падать, а бордюр будет охранять от наката. Но зато когда лёд растает, то с дорожки всё стечёт, а если будет бордюр, то вода будет стоять там и ноги будут мокнуть. Вывод, давшийся с трудом, но аргументированно, таков: разметка лучше бордюров на улицах с пешеходным и велосипедным движением. Но если на щите концепция ограничения автомобильного транспорта, то дело высоких бордюров в этом случае незаменимо. За этими рассуждениями я почувствовал, что у меня звонит телефон.

В трубке было два голоса: один большой, другой маленький. Причём тот, который маленький, не уступал по громкости большому. Ленка спросила: «Где вы?» Я сказал, что мы там-то и будем возле неё через 10 минут. И кстати, стал замечать, что почему-то у меня садится батарея в телефоне. Чтобы не попасть под машину, мы не стали долго говорить и прошли быстренько дворами и закоулками и перешли через Балаклавский проспект. Встреча состоялась и у нас в походе появилась ещё одна лига: Лига «припочковавшихся», которую основал в прошлом году я, присоединившись впервые к группе идущих через Москву. До этого были основаны Лига «отпочковавшихся» (отсоединившихся в процессе похода) и Лига «отщепенцев» (не сходявших в один или более из походов).

Ленка спрашивает у нас, живы ли мы ещё. Мы пока что не знаем, что ответить. Вроде бы мы ещё живы, но не совсем. Мы обсуждаем, что нам идти ещё довольно далеко. Решаем

немного отдохнуть, войдя в лес. Тут есть лавочка и мы садимся посидеть. Долго предлагаю ребятам посидеть и поскольку все старательно и упорно отказываются, сажусь на лавочку сам и снимаю ботинки, чтобы ноги немножко отдохнули. Идёт рассказ о том, что мы опаздали из-за вялых девушек и зверств московского правительства, запрещающего точки общественного питания.

У нас фото на память и попытка сделать радостные лица. Ленка, которая ещё хорошо ходит по земле, делает шаги вправо и влево по отношению к группе неподвижных людей. Люди смотрят и поворачивают головы. Достается напиток из золотого корня, чтобы слегка стимулировать порядком уже уставший организм. Но Мишка, Шура, Вася и я не выражают желания что-либо стимулировать

потому что ещё далеко идти. Шура нам объявляет своё решение поехать домой потому что у него заболела спина. По-видимому, сказался дождь и сидение в кафе на холоде. А может быть, он не устал, а какие-то дела образовались: никто его не стал отговаривать потому что это будет плохо, если он получит не удовольствие, а негатив от этого похода, особенно если это касается здоровья. Поэтому было высказано вялое пожелание ему зайти в «Ароматный мир» по пути к дому. И мы после прощаний с ним постепенно пошли дальше.

Сразу свернули с асфальтовой дороги. У нас продолжение тяжёлых и упорных споров: что лучше, земля или асфальт. Андрюша с Тимой, наглотавшись золотого корня, объединились в деле борьбы с любителями хождения по земле после 60 километров пройденного пути и клеймят по полной программе Василия, который говорит, что по асфальту мы долго не пройдем и всё равно придется идти по земле в целях попадания куда-либо. Мы наблюдаем за противостоянием двух сторон и пытаемся отвлечь революционеров всякими разговорами о дожде, о его отсутствии, словом обо всём, что этого не касается.

Дождь почему-то снова кончился и мы спокойно идём по лесу, вдыхая аромат. Как же тут хорошо! Как же мне не хватало этого запаха леса и грибов в горах Тянь-Шаня! Я иду и наслаждаюсь. Иногда мы обгоняем каких-то людей и судя по их взорам, понимаем, что выглядим не на 100% потому что они с опаской глядят. Но нас выручает Ленка с Ромкой, который смотрится очень радостно и держа в руках какие-то предметы, выглядит живее, чем наша суровая процессия. Мы же идём, уже слегка хромая.

Вскоре мы пришли к Лысой горе и перешли реку по мостику. Тут на велосипедах ездят люди в шлемах и специальном обмундировании, сберегающем тела при падении. Страшные люди. Они носятся с гор, они летают, вдребезги разбивая свой велик, они не сдаются. Какой же русский не любит быстрой езды? Вскоре мы пришли к Соловьиному проезду и сделали попытку повернуть влево, чтобы прийти не в Ясенево, а выйти ко МКАД в более правильном месте, срезав немного угол по пути к Бутово. Мы рассказываем Ленке вкратце о том, как мы шли ночью, как светит велосипедная фара на дороге и как плохо было Денису в краткие моменты привалов, когда его будили со словами, что не

время спать, а время вставать и идти дальше.

Дождь почему-то не идёт и у меня возникает острое желание снять штаны и переодеться. Все очень рады этой моей фразе, что «хочется снять штаны». Эти люди либо не понимают, либо просто смеются надо мной. Ещё бы, у них штаны из всеми любимой джинсы, вот они и прикалываются надо мной, который парится в голубых штанах из коландрированного капрона, который не дышит и не промокает. Вообще надо было бы им напомнить, что голубые штаны — это 3 раза ку. Но они не внемлют, спокойно потешаясь и пользуясь тем, что мы в лесу. Мы повторяли периодические попытки повернуть чуть левее, но шли всё время по лесу. Было отмечено, что в лесу GPS работает хуже, чем на поле и зная это Василий его вообще выключил и даже не имел возможности замерять нашу мгновенную скорость, как он это делал ранее. Через некоторое время это ему было поставлено на вид со словами, что мало того, что идём по земле, так ещё и скорость свою не можем определить. Но этим горю не поможешь. К тому же мы поняли, что начали плутать: мы снова вышли на какую-то оживлённую дорожку с молодыми мамами, глядящими на нас с опаской. Но видя, что с нами тоже молодая мама, они проходят мимо и видно, что страха у них не остаётся.

Мы решили ещё отдохнуть потому что тут есть лавочки. Я снимаю штаны. Все счастливы как дети. Чему радуются? Детский сад! Настало время мотать снова колени. Занятие это кропотливое, но важное. Хотя опыт намотки этих эластичных бинтов уже сформировался, всё равно тут надо делать всё тщательно: перетянешь — плохо, слабо сделаешь — бесполезно. В это время мы пьём минералку, сок, кушаем печенье, вспоминаем былое. Васька вспоминает с радостью, как ему на день рождения когда-то мы подарили большую коробку этого печенья и он его радостно ел два с половиной месяца и это его очень радовало потому что это был экспортный вариант, который весьма редко появляется в продаже. Мишка нашёл общий язык с Ромкой и препятствует вырыванию им лишних и совершенно ненужных волос из чужих дурных голов. Спасибо тебе, Мишка! Большое и человеческое! Правду сказать, это довольно больно: терять ненужные волосы в неравной борьбе.

Мы спросили у людей, куда мы попадём, идя по этой дорожке. Нам всё рассказали и мы поняли к неудовольствию Андрюши с Тимой, что снова придётся с неё свернуть, чтобы не выйти в Ясенево. Мишка намёками спрашивает, если ли у нас буссоль и я припоминаю, что у меня есть рюкзачок. Скорее всего, в нём есть компас. Я начинаю в рыться в рюкзаке. Извлекается масса нужных предметов и вещей и постепенно заполняет всю лавочку. Ленка спрашивает, зачем мне такой большой рюкзак и вообще, что у меня там в нём? Я говорю, что в нём только очень необходимые вещи и что скорее всего, я ими всеми воспользуюсь. Как оказалось впоследствии, я не воспользовался только одной парой носков из пяти и вторым фотоаппаратиком и то только потому что погода этого не позволила. А все, абсолютно все вещи, которые я взял, меня спасли от воздействия окружающей среды и дурной головы на моё слабое человеческое тело.

Мы ещё раз делали попытку не выйти в Ясенево и вышли на большое поле, на краю которого стала красоваться оконечность улицы Красного Маяка. Это Чертаново, нам туда не надо и все в слезах от горя, что мы вышли не туда, мы рванули правее и всё равно попали потом в Ясенево. Вообще, у меня сложилось впечатление, что ориентироваться тут в Битцевском лесу, не имея компаса, совершенно невозможно ибо гуляния тут людей делают лес совершенно направленным и детерминированным, Если ты хочешь куда-либо прийти, нельзя плыть по течению этих бесконечных троп и дорог потому что они обязательно приведут тебя либо в Чертаново, либо в Ясенево. К тому же тут массы оврагов, идущих от Чертаново как Вы думаете, куда? Правильно, они ведут в Ясенево! В итоге у нас возникла такая же борьба с дорожками, какая бывает в Крыму. Там тоже дикое количество дорог и если вы не следите за тем, куда идёте, то уйдёте очень далеко и не

туда.

Снова пошёл дождь и все снова рады слышать про то, что пора снимать штаны. Мы пересекли пару оврагов, скользя еле-еле выбрались на тот берег, проскользили по земляным дорожкам и вышли-таки в Ясенево. Пройдя по грязному футбольному полю, мы не понимая где находимся, прочитали адрес на доме: Соловьиный проезд, 18 и долго искали этот дом на карте, пока не нашли его не разочаровались. Как недалеко мы ушли от собаки... Но ничего не поделаешь, надо идти дальше: всё-таки далеко ещё до окончания Битцевского парка. Поскольку мы вышли-таки в Ясенево, то уж решили, что по нему мы и дойдём до МКАД.

Вскоре мы пришли к метро Битцевский парк и грубо нарушили ПДД, перейдя дорогу не по подземному переходу, а прямо так, поверху. Тут интересно устроена улица: одна часть её идёт ниже, чем другая и надо карабкаться пару метров по разделительной полосе. Это в равнинном городе Москве! Мы идём по кромке домов и церковного забора. Конечно, часть людей оборванного вида видят в нас глубоко своих друзей и обращается к нам с просьбой поделиться последним, что у нас осталось. Но мы им не можем ничего подать. Проходя мимо церковных ворот, Тима слышит стандартное начало: «Милые-дорогие! Счастья вам, благополучия...» и не дослушав до конца, где обязательное «...подайте Христа ради», говорит: «Спасибо большое! Вам того же!» Интересно, а мусульмане тоже побираются «ради Аллаха»?

Мы идём по грязи поля. Тут есть интересный объект: кусочек поля огорожен вкопанными в землю деревянными столбами наподобие тех, которые ставились в XV веке на русском севере, где этим забором-частоколом огораживались либо луга, либо огороды. Столбы выглядят старыми. Видно, что их ставили, чтобы что-то имитировать. Но ещё более интересно, что внутри этого огорода устроена детская площадка: железные черепахи ползут по направлению к домам: они устремились в дома Ясенево и только древнерусский забор может их остановить. Вот они и не ломаются в квартиры мирных жителей.

У нас снова ориентирование потому что мы видим, что наши надежды на МКАД до сих пор не оправдались. Как это часто бывало в других походах, шум большой дороги Вы слышите примерно за 10 километров. Но там тише, чем в Москве. Тут мы слышим МКАД уже час, за который мы прошли не более 6 километров. Но МКАД всё никак не появляется. Мы смотрим на карту и понимаем, что надо ещё немножко пройти. И мы идём. Тут пасутся далматины с хозяйками, взирающими на наши грязные брюки, мокрые и усталые ноги с некоторым элементом сочувствия. Мы уже видели людей, который хорошо отдохнув в лесу, еле-еле могли идти. Но они не шли из-за противного суффикса «к» в слове «вода», а мы так идём потому что далёк наш путь. Видя подобное недоумение у них в глазах, у нас с Васькой периодически возникает такая фраза: «Если бы они только знали, откуда мы сегодня пришли!» Но вслух мы этого пока не говорим.

Тем временем, мы снова вошли в лесок, но он оказался небольшим, но однако очень замусоренным. Это поразительно, как можно загадить лес! Сколько можно жрать и пить, чтобы так завалить лес мусором? В чём кайф пить на помойке? Не могу представить, что мы когда-нибудь купим пива, закуски, прийдём к помойке, сядем на бордюры рядом, выпьем своё пиво, сходим ещё за следующим и целуясь с девками, будем орать песни под магнитофон. А рядом будут ходить такие же люди как и мы и высыпать перед нами из ведер эти банки, газеты, упаковку из-под Макдональдса...

Выйдя на улицу, мы увидели аптеку. Сразу возникла мысль пойти туда и купить чего-нибудь необходимого: бинтов, эластичных бинтов, лейкопластыря и может быть, чего-нибудь ещё. Но представьте, за 10 минут до закрытия в аптеку вваливается компания усталых полугрязных людей и начинает покупать бинты, жгуты и активированный уголь. Как Вам это? Вроде бы никому из нас медицинская помощь пока что не нужна и все довольно в здравом уме оценивают силы своего организма. Поэтому решили, что в эту

последнюю на нашем пути открытую аптеку мы не пойдём. И вышли на бульвар имени Инессы Арманд. Эта женщина была красивой и бульвар тоже. Вы бывали на этом бульваре? Побывайте, если дорога приведёт. Тут я шёл-шёл по тротуару и понял, что никого нет вокруг. Посмотрел, где все и понял, что они на бульваре, и только я не там. Иду и тестирую системы организма. Стало болеть плечо от рюкзака, причём давно и совершенно это не лечится никаким массажем. Пробовал разгонять боль, но безуспешно: болит и всё. К тому же стали уставать колени, несмотря на бинты на обеих ногах. Ещё есть неприятность: ступни стали уже гудеть. Дело в том, что сегодня сплошной дождик и всё время мокрые ноги. Поэтому я весь день иду в кроссовках Asolo и ноги уже устали порядком. Надо будет на привале переодеть обувь, ведь я надеялся на то, что дождя не будет и можно будет идти в беговых кроссовочках «Рита» (попробуйте прочитать «Рита» по-русски, нас это так всех радует). Вроде бы сейчас на небе намечаются некие перемены и выходит солнышко. Я обязательно сменю обувь на привале.

У нас намечается изменение состава: Ленка собирается ехать домой. Мы пришли к проезду Карамзина, где конечная остановка 72-го троллейбуса, на котором она через час приедет спокойно домой. Ромка спал какое-то время в лесу после еды, но теперь проснулся и смотрит на всё открытыми глазами и поэтому ему снова надо будет уже

спать. Да и время сейчас уже довольно позднее: через час сядет солнце. В итоге, у нас был привал, совмещённый с переодеванием и едой и питьём. Ленка сходила за водой и сказала, что киоск дерётся током. В это время мы отдыхали и я переодевался. Люди, ждущие тут троллейбуса, посматривают на нас как посматривали на хиппи английские добропорядочные граждане: они не понимают и поэтому смотрят с недоверием и думают, не опасно ли это. Потом мы решили сделать Фото на память. Была выбрана Ленка для переговоров с общественностью: радостный ребёнок на руках располагает к общению. Она попросила какого-то парня сфотографировать нас и он не без удивления это сделал. Скорее всего ему никогда не приходило в голову, что на этой остановке можно фотографироваться, причём в таком виде. Но тем не менее, он сделал хороший снимок. Обратите внимание, какие у них лица!

Мы пошли дальше. Надо понимать, что Ленка основала Лигу «припочковавшихся и отпочковавшихся в одном походе», а Ромка основал Лигу «переносимых на всё время припочкования». Мы это обсуждали не очень долго потому что перед нами оказалось несколько солидных препятствий. Первым из них был пешеходный мост через МКАД. Тут есть лестницы и вверх и вниз. Трудно подниматься и спускаться по лестницам после стольких километров передвижения по горизонтали. А потом мы попали в парк, где нам было объявлено, что Василий тут всё знает и больше у нас передвижений по земле не будет вообще потому что тут все дорожки асфальтовые.

Но это оказалось не так: никогда не давайте обещаний, если что-то зависит не от Вас. Сначала всё шло хорошо и мы шли по асфальту. Но потом асфальт вдруг неожиданно кончился и мы оказались в лесу. Был выбор: либо возвратиться, либо идти дальше по

дороге, но она была грунтовой. Я не понимаю почему, но мы выбрали второй вариант. Сейчас я понимаю, что он был попросту безрассудный, но тогда мы по какой-то загадочной и необъяснимой причине пошли дальше, а не вернулись. Поразительно, но в конце концов это сэкономило нам почти пару километров, но могло бы быть и по-другому. Например, там могла бы быть речка, которую пришлось бы пересекать вброд. Но к великому нашему счастью этого не случилось, а дело ограничилось только двумя оврагами и болотистой низинкой. Но надо сказать, тут было очень красиво. Мы вышли после леса на широкое и высокое поле. Тут трава была скошена и по полю шла хорошая колея без воды. Мне так было хорошо идти по этой мягкой земле! К тому же совершенно развиднелось и стал дуть прохладный ветерок, что предвещало отсутствие дождя. Это приятно, что вечером дождя не будет. Ещё садится солнце и видно, как оно отражается от летающих самолётов. Это очень красиво, когда на тебя падает красный солнечный зайчик от самолёта. Тогда можно загадывать желание и оно обязательно сбудется. Но нам не повезло: зайцы бежали от нас далеко.

В группе критику практического разума сменило молчание. Все понимают, что на асфальтовую дорожку мы обязательно выйдем, когда это будет зависеть от нас, а теперь молчат, стиснув зубы от боли и от начинающейся борьбы с самим собой. Сейчас уже почти все хромают, остался только Василий и я только похрамываю, но это скорее всего оттого, что нога не гнётся из-за повязки.

Мы вышли к Куликовской улице и пролезли через дырку в заборе. Оказывается, тут в этом заборе есть калитки, но мы пролезли через дырку. Это напомнило калитку в Саянах. Там было написано: «Граждане! Закрывайте пожалуйста калитку, это нетрудно!» И тут была примотана проволока и много заботливых рук её приматывали обратно, открывая и закрывая этот проход в заборе. И мы сделали то же самое. Мы идём по Куликовской улице. На наше удивление тут есть тротуар. Удивляться есть чему: никто по этому тротуару не ходит потому что некуда тут идти: очень далеко.

Я рассказываю, как я сдавал экзамен на права в этом нашем МРЭО, причём рассказываю во всех подробностях, начиная с самого утра (а мне надо было сюда приехать к 6:50) и до вечера (уехал я отсюда лишь в 16:50). Это производит на всех тяжёлое впечатление, но мы всё никак не дойдём до Южного Бутово. Мы идём по той стороне, которая ближе к лесу. Дело в том, что мы побаиваемся милиции, которая тут может быть и может воспринять нашу акцию как акцию протеста, а не как акцию поддержки. Я почему-то помню, что тут между Северным и Южным Бутово есть пост ДПС, где всех стоят и проверяют. Почему я это помню, я не понимаю, но почему-то есть такая уверенность. Она в итоге оказалась ложной, нет тут этого поста. Но зато я точно указал, когда будет остановка, на которой у нас будет привал. Тут я не ошибся и мы устроили тут отдых с докуриванием и с разъеданием шоколадки.

Я заметил, что из-за общей усталости есть уже такие моменты, когда люди относятся друг к другу теплее, чем обычно. Уже интересуются друг другом, уже спрашивают друга по-другому. На вопрос «Будешь ли ещё шоколадку?» неожиданно следует ответ: «Да ешьте, мужики, мне что-то не хочется.» Тут Мишка сказал, что он поедет домой. Стало так грустно, но все понимают, почему. Он говорит, что невозможно болит нога, которую от подвернул. Но мы видим сейчас несколько шире, мы уже почти что выросли.

Давно задул сильный ветер и мы сейчас слегка позавидовали Мишке, который сел в автобус и уехал в тёплый дом к женё, а мы пошли дальше на юг. Нас осталось четверо. Сможем ли мы дойти? Мы пошли по улице. Сильный холодный ветер дует в спину. Нам уже надо разгоняться, когда после отдыха пытаешься пойти вперёд. Сначала идёшь медленно потому что ноги усталые и мышцы во время отдыха затекают и чтобы снова стать эластичными им нужно время. Минуты за две они снова становятся такими, как и до отдыха. Вообще мне кажется, что любой отдых, кроме сна, в пути не имеет большого смысла, но

сама структура нашей жизни требует того, чтобы отдыхать, хотя на физическую сторону это никак не действует по-моему. Я думаю, если бы мы были биологическими машинами, то мы бы только ели, спали и производили добавочную стоимость. При этом совершенно не нужно было бы перерывов на общение и перекуров. Ведь если вдуматься, то перекур не является биологически необходимым, он является лишь паузой в монотонной жизни, когда ты занят чем-то повторяющимся, чем на самом деле тебе не хочется заниматься и поэтому после перекура обычно так темнеют лица: опять за работу... Хотя может быть, я так говорю оттого, что не курю сам, а только наблюдаю за другими, которые курят и курят, а ты мёрзнешь.

Мы идём с Васькой впереди и обсуждаем, что ещё далеко. Подождали Андрюшу с Тимой потому что они позже начали идти и поэтому не могут нас догнать. Видимо, после стольких километров все люди идут с одинаковой скоростью, несмотря на то, что я на 25 сантиметров ниже Васьки и Андрея. У меня очень болит плечо от этого рюкзака. Интересно, но я помню это место, где мы находимся. Даже помню, что я тут шёл пешком, когда сдавал на права. Помню своё состояние испуганного человека, дрожащего перед экзаменом потому что надо доказать, что ты действительно это знаешь и умеешь. Доказывать всегда непросто, даже если ты действительно знаешь.

Мы повернули по направлению к станции Бутово и идём через комплексы многоэтажных домов. На улицах стоят фонари и освещают тоненькие недавно посаженные деревца и одинаковые только что выросшие круговые комплексы многоэтажек. Ещё 5 лет назад тут этого не было, а теперь дорожки, какие-то люди ходят и скапливаются возле магазинов с едой. Сегодня суббота, но звуков праздника не слышно, все как-то тихо ходят и пристально к нам присматриваются. Я порой зажигаю налобный фонарик и смотрю в карту прямо на ходу. Благодаря этому мы идём тут почти по прямой, но не по траве. Это потому, что Андрюша всячески нам намекает, что по траве и по земле вообще ходить нехорошо, если рядом есть асфальт. Не надо губить жизнь, поэтому мы жалеем его больные ноги и идём тут в основном по асфальту. Мы прошли под длинной навесной эстакадой строящегося метро. Известно, что в Бутово строится монорельсовая дорога, а не метро. Этот поезд будет ходить над головами. Вообще, много интересного бывает в Москве, но мы живём тут, даже не зная этого. Интересно, когда я впервые проедусь по этой транспортной ветке: когда ей будет уже 10 лет или раньше? Совершенно некогда жить! Это ужас.

Васька смотрит вокруг и горестно говорит: «Кошмар! Раньше тут были одноэтажные деревянные дома с заборами и яблочными деревьями, а теперь вот что. Всё снесли.» Но вдруг эти дома кончились, когда мы перешли какую-то улицу и дорога продолжилась. Но теперь по бокам были те самые деревянные дома, там горел свет, а в садах действительно были деревья с яблоками. Это Москва. Где же пруд, который нарисован на карте? В темноте ничего не видно, кроме одинокого фонаря, болтающегося от ветра на столбе впереди. Порой нам навстречу с опаской идут люди, глубоко молча. Если задать им какой-нибудь вопрос, то они наверняка испугаются. Если сказать что-нибудь дружеское или смешное, то испугаются ещё сильнее потому что надо опасаться: кругом враги, надо быть осторожнее. Ведь мы живём в Москве! Поэтому мы идём тоже тихо разговаривая между собой. Васька говорит: «Слава Богу! Ещё не всё снесли: остались деревянные дома в Москве.» Тем временем, мы подошли к пруду, увидели полотно железной дороги. Но что-то поезда не ходят. Мы слышали одну электричку, которая ехала из Москвы, а других не слышали. Прошли по досочкам, которые лежат в луже. В темноте лучше не ходить по ним потому что можно так упасть, что костей не соберёшь. Но мы люди глубоко русские и поэтому идём по досочкам, а не по луже. Это совершенно необъяснимо, но это так. И плевать, что ноги мокрые, что больно наступать на досочку потому что она от заборчика и короткая и узкая, но мы просто не задумываемся о многом, просто делаем так, как привыкли, как у нас в крови.

Подошли к пешеходному мосту через железную дорогу. Опять лестницы вверх! Снова люди строго смотрят на то, как хромые, но хорошо одетые угрюмые, но весёлые люди пытаются научиться ходить. Наверно, они нас жалеют, что мы такие молодые, а бездомные и уже инвалиды. В то время, когда мы были на мосту, мы прослушали информационное сообщение о том, что до 4 часов утра все электропоезда до Москвы отменяются. Сейчас не так уж и поздно, всего 23 часа, но этот факт, когда транспорт не ходит потому что он попросту никому не нужен, меня просто бесит. Попробуйте откуда-нибудь куда-нибудь уехать. Вы ездили когда-нибудь по нашей стране? Вы попробуйте. Например, бывает, что сегодня понедельник, а автобус будет только в среду. Это нормально, что ничего не происходит в жизни людей за 2 дня? Просто сидишь дома и плетёшь лыко, а в основном, пьёшь. А зачем ехать, когда денег нет? Андрюша говорит: «Во-от! И не надо так трагично!» — и нам стало ясно, что на электричку нам уже идти сегодня не надо. Пока мы шли вдоль железной дороги по Синельниковской улице, спустившись с моста и маршем пройдя мимо автобусной остановки, на которой стояли в холоде и в темноте угрюмые люди с внимательными глазами, мы обсуждали информацию, поступившую в нас на мосту и всячески радовались этому и восхваляли судьбу, что мы об этом знаем и не будем идти обратно. Интересно, сможем ли мы пойти ещё куда-нибудь после того, как дойдём.

Мы начали искать место, где можно было бы купить бутылку вина, которая должна быть распита в месте окончания похода. Это тоже традиция, от которой, как я понимаю, тоже не надо отступать. Вася говорил об этой бутылке ещё давно, но мы уповали на какой-то ароматный мир, в который в итоге не попали, да и уверенность у нас пока что есть, что на пути найдётся место, где в субботу можно было бы купить вина: Россия всё-таки. И мы зашли в магазин на углу, которых пока что много по всей Руси Великой. Но тут магазин оказался не простым. Тут был довольно хороший винный отдел с широким прилавком. Мы с Васькой подошли к нему в том месте, где были вина получше и первое, что сделали, облокотились на прилавок. Молодая продавщица встала со стульчика и подошла к нам, молча окинув нас взглядом. Мы молча и спокойно смотрим на полки, бегая по ним глазами (преимущественно по верхней их части). Она спрашивает: «Вам чем-нибудь помочь?» Мы отвечаем: «Да, скажите, где у Вас тут красные сухие вина?» Она, показывая куда-то вниз, говорит: «Ну тут вот есть. А вам что надо-то?» Мы говорим: «Мы уже слабо понимаем, что нам надо. Поэтому будьте добры вон ту бутылку французского вина.» Она очень удивилась такому выбору, видя наш внешний облик, но тем не менее, покупатель всегда прав. Поэтому нам была продана эта бутылка неплохого вина, мы поблагодарили и пошли к выходу, где стали вбивать вино и купленную Андрюшей минералку в рюкзаки на глазах у охранника.

После вбивания Тима спросил, сколько нам ещё идти. Узнав, что примерно 8 километров, он сказал, что скорее всего, дальше нам придётся идти втроём. Мы огорчились сильно, но знаем, что он так сказал потому что знает, что не видит в темноте, что ноги уже не те, да мало ли, что он ещё знает! Но мы его решили проводить. Он было хотел ехать на машине, но мы постепенно внушили ему, что мы в Москве, что тут есть автобусы до Пражской, что время сейчас ещё не ночное и что лучше пойти на остановку и поехать на автобусе или на маршрутке, а потом уж и на машине, если понадобится. Так он и сделал. Мы подождали, пока он сядет в маршрутку и поплелись дальше. Прощание было как в голевудских фильмах: четверо мужчин обнимаются и желают друг другу дожить до завтрашнего дня. Прохожие пролили скупую слезу, глядя на это.

Поплакав 10 минут на остановке и заодно посмотрев на андрюшино докуривание, мы тронулись снова в путь. Теперь нам стало ясно, что мы дойдём. Но нас осталось только трое (из восемнадцати ребят). В то время, когда мы шли до Варшавского шоссе, мы обсуждали этот факт. Мы обсудили людей, которые были с нами и сошлись в том, что скорее всего, надо будет как-нибудь завязать со спортивной частью этого мероприятия и

перейти на нечто более осмысленное и тематическое. Все люди герои.

Но вот мы подошли к светофору Варшавского шоссе. Тут мы устроили небольшой отдых с целью переодевания. Я снова надел штаны потому что дует ветер и немного холодно. Чёртов рюкзак! Как же болит плечо! Вот только теперь я понимаю, для чего придумали пояс на рюкзаках. Но тут его просто нет. Был бы пояс, вообще был бы изумительный рюкзачок, но тут его почему-то не сделали. Я не говорю, какой это рюкзак, чтобы не подрывать авторитет той компании, которая его произвела потому что всё, что я покупал у неё, было отличного качества и мне просто не хочется отзываться об этой отдельно взятой вещи с упоминанием названия компании. Но плечо болит очень.

Итак, мы вышли на Варшавское шоссе. Это третья прямая до финиша. Ещё предстоит две. На обочине грязь и это совершенно не радует потому что навстречу несутся машины с дальним светом фар и никто не подозревает, что по обочине в столь поздний час могут идти люди. Надо ли говорить, что считанные люди выключают дальний свет? Вообще мне это шоссе не понравилось. Мы делали попытки сойти с дороги и идти параллельно ей по траве, но она оказывалась некошенной и тропинка в ней пропадала и кончалась. К тому же трава мокрая от росы или от дождя и не хочется по ней идти. А придёшь на дорогу, так на ней почему-то жидкая грязь. Странно, почему на шоссе такая грязь? Потом мы прозрели: ведь весь день шёл проливной дождь! Шоссе устроено интересно: оно трёхполосное и периодически происходит смена числа полос в обоих направлениях. Мы очень радуемся, когда в Москву идёт две полосы. В этом случае машины стремятся проехать не в метре от тебя, а всё-таки могут уйти чуть левее. Это приводит к тому, что можно идти не по жидкой грязи обочины, а всё-таки по асфальту и на скорости 100-120 км/ч. не так сильно обдувание машинами и не так силен страх быть сбитым каким-нибудь болидом. Что-либо говорить друг другу тут бессмысленно. Мы идём друг за другом с включёнными фонарями, чтобы нас было видно. К тому же ни черта не слышно потому что режут моторы, шумят шины и дымят дизельные фуры. Техногенная революция свершилась!

Но вот и долгожданный поворот налево. В этом месте идёт дорога на Симферопольское шоссе. Мы идём по ней. Сразу поражает безлюдность этих московских мест. По бокам дороги тёмные поля и перелески. Кое-где болотца и высокий тростник. Иногда нам навстречу едут какие-то грузовики по одному-по два. Порой проедет машинка. Мы идём теперь не гуськом, а как придётся. Разгулялся сильный холодный ветер. Он южный. Странно, в Бутыно он был вроде бы северным, по крайней мере, он дул нам в спину, а тут в лицо. Мы говорим всё меньше. Единственно, что часто прорываются возгласы типа «И это Москва!» и снова завывания ветра, боль в разных частях тела и темнота, безлюдность и желание, чтобы это всё кончилось.

Вот мы пришли к автобусной остановке. Посреди поля имеется уширение в дороге и на обочине стоит знак автобусной остановки, повешенный на двухдюймовой вертикальной трубе, вбитой в среднюю часть колеса от КАМАЗа. Что написано на табличке? Правильно: буква «А». Больше ничего потому что тут ходит какой-то автобус, который не имеет ни номера, ни расписания. Просто абстрактный автобус, который кого-то куда-то возит иногда. Скорее всего, в нём всегда полно народу, когда бы он ни шёл. Мы идём дальше по дороге и удивляемся, насколько же велика Москва! Вот мы шли в центре и быстро проходили целые районы, переходили мосты, речки, один пейзаж сменял другой: было интересно. Но здесь одно тёмное поле и ветер.

Дорога сделала второй главный поворот, теперь налево и мы услышали звуки Симферопольского шоссе и увидели его очень далеко. Дорога очень прямая и как мы быстро определили, ортогональная шоссе. Поэтому мы идём по кратчайшему расстоянию. Это нас радует несказанно. Грузовички периодически ездят, обдавая нас ветром. Ни одного человека мы не увидели тут. Но обратили внимание, что тут тоже строят дома. Тут в грязи

стоят трактора, бульдозеры какие-то и люди огораживают поле заборами. Самое главное в стройке на Руси — построить сначала забор. Лучше из железобетона, а уж потом только начинать копать под фундамент. Ведь если забора нет, то и стройки считай нет. Грязь на дороге неописуемая. Через 100-200 метров в обе стороны уходят тракторные колеи внутрь заборов. Оттуда лают злые собаки, тоже неизменный атрибут нашей стройки. Причём чем злее собака, тем лучше для всех.

Мы обсуждаем, сколько нам ещё идти. Имея GPS, мы точно знаем нашу скорость. Надо сказать, она не изменилась: те же пять с половиной километров мы выдаём в час. Поэтому нам стало ясно, что скорее всего, нам придётся ночевать на остановке. Время мы тоже умеем определять и намерили, что поход у нас кончится в половине второго. А разве можно из подмосковья в это время куда-нибудь уехать?

Вскоре мы прихромали к Симферопольскому шоссе. По нему несутся машины. Наша дорога идёт на мост над шоссе. У нас краткое обсуждение, идти ли на мост или перейти шоссе методом перебежания. Как только было произнесено это слово («перебежание»), нам стало всё ясно и мы пошли на мост, надеясь, что с него есть съезд на шоссе. И как Вы думаете, кто-нибудь едет по нему в Москву, чтобы надо было делать развязку? Оказывается, никто не едет по этой дороге в Москву и она идёт просто без съездов перпендикулярно Симферопольскому шоссе и уходит в лес. И мы, три инвалида смогли спуститься по этой довольно крутой насыпи вниз без потерь. Повезло. На спуске были произнесены слова и фразы, из которых следовало, что зря мы не взяли альпенштоки с собой потому что непросто после стольких километров пути спуститься с горы по мокрой траве без палки в руках.

Внизу основана атозаправка. Мы сели отдохнуть, прислонившись к её стене так, чтобы нас не было видно ни с дороги, ни с заправки. Сидим, пьём воду и заодно отдыхаем. Не помню, курил ли Андрюша или нет. Память избирательна: из общих соображений вроде бы не должен был, но представить привал без докуривания не могу пока что. Вдруг из-за угла выскочила какая-то женщина и пронзительным голосом провизжала: «Где у вас тут туалет?» Я даже взрогнул и чуть не подавился водой от неожиданности, по спине пробежал характерный холодок, какой бывает в минуту опасности. Вася, который сидел ближе всех к ней, сказал, что мы не отсюда и не знаем. Она куда-то ушла, а мы начали смеяться потому что метрах в 20 от заправки был густой лес. До чего же надо дойти, чтобы в такой форме спрашивать такие глупости?

И вот мы тронулись в путь на заключительном отрезке. Можно сказать, что мы вышли наконец на финишную прямую похода. Осталось пройти каких-то 3 километра и мы достигнем того, что немечали! Далось это непросто, дойти сюда. Мы начинаем разгоняться. Симферопольское шоссе устроено не так, как Варшавское. Оно широкое и хорошее. По асфальту идёт сплошная линия, отделяющая шоссе от обочины и мы идём по обочине, но по асфальту. При этом асфальта тут на ширину грузовой машины. Поэтому идти тут хорошо. Мы идём с Васей впереди, нас пытается догнать Андрюша, но безуспешно. Поэтому мы его подождали. За три километра, которые мы тут прошли, нам попало на глаза три заправки. Вася говорит, что стоимость одной заправки — миллион рублей. Мы обсудили, сколько надо иметь денег, чтобы строить столько заправок. Поразительно, как богаты люди в нашей стране! Столько платить мы можем, а хорошо жить — нет. Хотя, наверное те, кто строит тут эти заправки, живёт неплохо.

Сколько же нам ещё идти? Этот вопрос, мучивший нас последние 5 часов, начал приходить к точке, где на него будет дан ответ. На шоссе стоят огромные щиты и знаки. Василий счастлив, что с помощью его велофары можно высветить любой из них и он будет мерцать при свете его фары. Счастьем лучатся детские глаза. Вскоре мы поняли, что остался один лишь мост до осуществления цели нашего похода и вскоре преодолели этот мост. Вдали мы увидели автобусную остановку и постулировали, что она и будет у нас

точкой окончания похода. Как только мы до неё дошли, я стал одеваться. Почти всё, что я с таким трудом нёс в рюкзаке, я надел на себя. Рюкзак стал пустым, а мне стало тепло.

Вася достал вино, мы рассказали Андриюше, какими глазами на нас смотрела продавщица, когда мы покупали это вино. Мы посмеялись и стали его пить. На закуску у нас было печенье Юбилейное и немного шоколада, который взял Василий: последняя плитка. Мы сели на рюкзаки прямо на грязном бетонном полу остановки, слегка сгребли ногами битое стекло и окурки, которые валяются прямо на полу, несмотря на то, что рядом есть урна. Стали пить вино. Как же мы рады, что это кончилось!

Мы посмотрели на расписание автобусов, которое висит на этой остановке и нам стало не очень радостно: первый автобус в половине шестого утра. Осталась возможность голосовать и мы попытаемся её реализовать. Но для начала мы выпили вина и от него стало тепло. И тут случилось то, что бывает от хорошего вина: образовалась лёгкость в теле и навалился сон. Я почувствовал, что засыпаю сидя. Вася, который стал голосовать, пришёл к нам и сказал, что засыпает стоя. Поэтому мы решили забить на это. За те 20 минут, который он стоял с поднятой рукой, никто даже не снизил скорость. Мы легли на свои рюкзаки и порадовались, что остановка защищает от ветра. Сразу глаза наши закрылись и мы заснули.

Через некоторое время я проснулся от какого-то шума. Вася сказал: «Надо вставать. Возможно сейчас придётся вести вязкую беседу.» Из подземного перехода вышло четверо пьяных парней нашего возраста, ведущих себя довольно шумно. Первое, что они сделали, это подошли к нам и начался вязкий разговор. Типа кто мы, типа кто они, чисто что мы тут типа делаем, типа конкретно нам тут делать нечего и так далее. Вася им сказал, что мы тут типа ждём того же, что и они. На это они слегка приумолкли и стало видно по лицам, как заработал мозг. На вопрос, откуда мы и куда, мы начали вяло и уклончиво отвечать, что они не поверят, откуда мы пришли. Мозг заработал сильнее и они стали говорить, что всё-таки, откуда. Когда мы сказали, что из Зеленограда, они вообще приуныли и перешли на другую тему. Один сказал: «Дайте позвонить.» Я ему сказал, что у меня плохой телефон и в нём села батарейка. Он удивился и сказал, чтобы я показал. На это я ответил, что неохота искать в рюкзаке. Один сказал: «А если найдём?» Я для вида порылся в мешке и конечно ничего не вынул. Спросил, а какой у него телефон, тоже что ли не работает? Он гордо сказал: «У меня хороший!» и сразу вынул из кармана какую-то Моторолу. Я сказал: «Да, у тебя лучше», хотя это было барахло, а не телефон. В это время мы спокойно спрашивали, можно ли уехать? Они сказали, что типа за деньги можно. На наш вопрос о количестве денег они сразу оживились и спросили, а сколько есть. Вася ответил, что рублей 300 может наберём за троих. Тут они полностью потеряли интерес к нам и побрели обратно, разбив лампу в переходе. Последнее действие являлось актом презрения к нам и ко всем вместе взятым жителям нашей страны.

Когда истошные крики в переходе утихли, мы поняли, что тут нам делать больше нечего. Они могут прийти обратно с другими такими же, но без телефонов. У нас обсуждение: куда деваться? Мы встали с трудом на ноги, огляделись вокруг. Поле, русское поле. Светит месяц, звёзды на небе, дует ветер. В домиках не горит ни одного окна. Все отдыхают от непрерывного труда. Решили отойти обратно по дороге по направлению к

Москве и там где-нибудь приткнуться. Но как только мы пошли, стало ясно, что далеко от остановки мы не уйдём. Идти обратно, туда, откуда мы пришли, смысла не было никакого, ведь пока шли, мы не видели остановок автобуса. А уехать отсюда можно только на автобусе, расписание которого мы уже знали. Была мысль пойти под мост, но там не спрячешься от милиции: если будут проезжать, то сразу заметят и мы поедем с ними, только не домой, а до выяснения, денег не станет совсем потому что это всё-таки милиция. Когда мы подошли к началу моста, то поняли, что тут трава по пояс. Это обрадовало меня по нескольким причинам. Во-первых, здесь не видно ничего с дороги (как мы проверили), во-вторых, тут болото и местные сюда точно не придут, в-третьих, трава защищает от ветра. Я предложил дальше не идти. Меня все поняли и мы улеглись на свои вещички, глядя в звёздное небо. Я не думал, что в Москве буду спать в траве на обочине по причине того, что некуда идти и нельзя уехать. Но теперь вижу, что возможно всякое: многое в жизни бывает, мир так велик и широк.

Я уснул сразу же, как только закрыл глаза. Несколько раз я просыпался и смотрел на часы, которые в мобиле: было не пора вставать. Потом стало постепенно светать и в какой-то момент Вася сказал, что пора идти. Мы зашевелились и тут был поставлен рекорд, о котором мы будем говорить всем туристам, которых мы знаем. Рекорд заключается в том, что с момента подъёма до момента выхода у нас прошло 5 минут. Так быстро в походе мы ещё не собирались. Мы гордимся этим.

Теперь нам надо как-то научиться ходить. Получается не сразу, мы долго пробуем и вот мы уже почти научились, по крайней мере, я. Я научился ходить уже когда подходил к остановке. По-прежнему, тут нет ни одного человека. Это радует, но не очень. Мы нервничаем, что на остановке написано абстрактное расписание, которое не соблюдается. Поскольку это бывает очень часто, мы определяем правильность расписания по людям, который появляются на остановке. Когда в подземном переходе послышался звук женских каблучков нам стало светлее и большей частью не от появления тут женщины, а оттого, что расписание действует! Для порядка я подошёл к девушке и вежливо спросил, будет ли автобус. Она сказала, что будет и мы возрадовались.

Когда пришёл автобус, на остановке уже было некоторое количество людей. Мы сели туда, заплатили по червонцу и поехали в Подольск. Оказалось, что путь неблизкий: больше часа мы колесили по каким-то местам и населённым пунктам и в 6:45 мы приехали к станции Подольск Московской железной дороги. Надо сказать, что к этому времени автобус был битком набит людьми. На нас смотрят как на чужеродный элемент потому что у нас фонари, мы одеты по-другому и мы буквально засыпаем на ходу. Мне стоило огромного труда сидеть на сидении и держать глаза открытыми, вперившись в окно. Потом все выскочили из автобуса, а мы как инвалиды вылезали, цепко держась за поручни и какая-то женщина с букетом гладиолусов, завернутых в марлю, сказала сочувственно об Андрюше что-то типа «пропустите больных». Как только мы вышли из автобуса, Андрюша пошёл покупать сигареты потому что он клял всю ночь тот миг, когда кончились магазины потому что «они с Тимой, два дурака, не додумались купить сигарет».

Я пошёл за билетами и узнал, что электричка будет в 7:05. Мы неспеша пошли туда. Снова мы прошли мимо милицейского наряда, но он снова нас не остановил. Ура! Потом мы сели в поезд и поехали домой. По дороге мы обсуждали, что это будет последний такой поход, когда общество разобщено, когда есть лига припочковавшихся, лига отпочковавшихся, лига примкнувших и отомкнувших в течение одного похода, лига переносимых на всё время припочкования, а также лига выжатых-как-лимон-потому-что-нет-сил-пройти-всё-от-начала-до-конца.

В поезде снова была нешуточная борьба со сном и мы говорили о том, что надо будет всё-таки устроить праздник по поводу этого похода и обсудить новые концепции этого похода. Тем временем, мы подъехали к Царицыно и долго уговаривали Андрюшу выйти

с нами потому что боялись, что он заснёт и проедет свою остановку. Но он решил ехать самостоятельно домой, так что мы вышли, а он поехал дальше. Потом я пошёл в метро, а Вася домой (он тут рядом живёт). Я с большим трудом не заснул в метро. Чтобы не заснуть, я стоял и смотрел на стены, тупо читая бессмысленную рекламу о шубах из лисицы за 800 у.ё. Интересно, ездят ли в метро люди, которые могут купить такую шубу? Или, например, шубу из горносталя, которая тоже рекламируется. Я не понимаю, зачем издеваться над людьми? Точнее, не зачем а сколько можно издеваться?

С этим неразрешимым чувством и в состоянии неравной борьбы со сном, я наконец приехал и вышел на улицу. Потом доехал до дома и смог пройти ещё 5 минут от остановки до подъезда. Потом был проявлен элемент героизма потому что надо на пятый этаж ещё зайти по лестницам, ибо нет лифта. А как старые люди ходят? Поэтому они обычно не выходят из дому и сидят там и сидят, смотрят телевизор. Лифт в пятиэтажке — это невыгодно, а мы продолжаем в них жить.

А потом я позвонил родителям на дачу и сказал, что у меня вырубился телефон и теперь я дома и чуть-чуть посплю. Они были счастливы потому что я в очередной раз остался жив, а это не может не радовать близких людей. Интересно, ведь мы всего-лишь гуляли по Москве, а общественное сознание воспринимает это как тяжёлое испытание не только физических возможностей человека, но и может нанести тяжёлые психологические травмы его близким людям. Я сразу же вспомнил тезис из интернетовского ресурса о том, что «идём в своё удовольствие и не ставим никаких спортивных целей». Я не знаю, правильно ли я поступаю, но мне интересна эта жизнь. Но дальше об этом я не мог думать потому что я уже спал.

Итоги

Итак, несколько результатов, показанных нами:

- Пройдено около 85 километров.
- Время в пути: 25 часов (вместе с привалами и обедами).
- Скорость движения мгновенная: от 5 до 6 км/ч.
- В походе участвовало 9 человек, одному их которых было менее одного года.
- Общая продолжительность похода: 35 часов (время от встречи на станции Речной Вокзал до моего приезда домой). Если Андрюша приехал домой позже, чем в 8:10, то это время увеличивается.
- Мы не спали двое суток: пятницу, субботу и утро воскресенья.

Надо сказать, что ещё интересным фактом является то, что я в воскресенье в 14:00, проспав 6 часов, сел за руль и мы с Тимой ещё ездили в машине по делам. Андрюша нам рассказал, что у него воскресенье прошло следующим образом: он приехал домой и лёг спать; потом он проснулся, пошёл поел и снова лёг спать; потом он проснулся, стал смотреть кино, но заснул; когда он проснулся снова, то надо было уже идти на работу потому что был уже понедельник.

Так что ходите через Москву с нами и воздастся Вам!

* * *